

СКВОЗЬ НАВАЖДЕНИЕ

Сергей
Минский

Сергей Минский
Сквозь наваждение

«Автор»

2017

Минский С. А.

Сквозь наваждение / С. А. Минский — «Автор», 2017

Если бы кто-то сказал Максиму Гарецкому, что такое однажды ему может «привидеться», посмеялся бы над этим человеком. Но смеяться над другими – совсем не то, что смеяться над собой. Максим, сбитый с толку новыми жизненными обстоятельствами – встречей со странным ночным существом, а через день и с его живым воплощением – Настей Захаровой, рассказывает обо всем своему другу – Руслану Ремезову. С ним они начинают искать разгадку чудесных преобразований, которые сопряжены с зарождающимися отношениями Максима и Насти.

© Минский С. А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Минский

Сквозь наваждение

ЧАСТЬ I

1.

Безмятежность, пришедшая на смену дневным тревоблениям, завладела всем его существом. Здесь – в конце сада, где через ветви яблонь даже в эту лунную ночь были видны звезды, появилось ощущение неразделенности со всем, что окружало: и с этими черными ветвями на темном в редких звездах небе, и с домом, выступавшим светлой оштукатуренной стеной второго этажа из садовых деревьев.

Максим оглянулся назад. На мгновение показалось – широкое течение реки в инертном лунном свете как-то неестественно застыло. Словно время дало сбой – остановилось. Разросшиеся за последние годы кусты ивняка на том берегу и блики света на воде выглядели неестественно красиво, как будто их выписал художник-фантаст, изображавший неземную природу. Легкая прохлада, пришедшая на смену дневному теплу, приятно окутала разгоряченное домашней баней тело. Было здорово после парилки ощутить каждой клеточкой обнаженной кожи легкое касание первой сентябрьской ночи, еще такой теплой, что напомнить сейчас об осени могла разве что бесчувственная логика.

Он прикатил домой, когда уже совсем стемнело. Выехал из города позже обычного – заговорился с Русланом. А тут еще по дороге спустило колесо. Пока ставил запаску, пока заезжал на шиномонтаж, где оказался не первым, банная эстафета уже закончилась, и потому мыться пришлось идти одному.

Родители с четой соседей и их дочерью Анютой, приглашенных на пар, ужинали. Со стороны дома – с террасы – доносились голоса. Иногда совсем тихие, они почти не были слышны. А иногда становились громче. Периодически перерастали в смех, словно пытаясь оспорить легкую грусть одного из последних теплых вечеров.

В принципе, он и не торопился сегодня домой – не любил одних и тех же разговоров ни о чем, когда приходили соседи. Вопросов старших, что больше раздражали, чем стимулировали к ответам, и от которых всегда хотелось отмахнуться односложными фразами. А потому был доволен, что после суеты бестолково сложившейся субботы, остался один на один с умиротворяющей картиной дня, ушедшего на покой. Периодически пытались прорваться в эту безмятежную благодать воспоминания недавних часов. И особенно последнего, когда столкнулся в дверях, выходя из дома на террасу, с розоволицей после парилки Анютой. Чуть ли не нос к носу. Она всегда старалась при удобном случае, как будто случайно, прикоснуться к нему выдающейся нескромно частью тела. Вот и сегодня произошло то же самое. И от этого прикосновения, и от дурманящего запаха, исходившего от нее – от всего ее нескромного вида, которым баня наделяет женщину, в нем, чутко дремавший, проснулся полюс притяжения. Попытался затуманить сознание. Завладеть им.

– Привет, Ань, – Максим, как смог, постарался абстрагироваться от наваждения.

– Привет, – проговорила она тихо и опустила глаза, словно в чем-то была виновата. И это мгновение пробудило в Максиме ощущение вечности. Ее такой простой, и одновременно такой сложной игры, для которой не найдется ни одного подходящего слова, ни одной фразы в человеческом языке. Потому что это – чудо. А чудо невозможно описать словами.

– С легким паром! – продолжил он, осознав с легкой грустью, что Жар-Птица, только что осветившая истинную природу его психики, улетела, оставив в ней лишь сияющее перышко изначальной чувственности. Максим чуть отодвинулся. И чтобы дистанция оказалась неком-

фортной для его взбунтовавшихся эмоций. И чтобы тактично выглядеть в глазах посмотревшей на него с нежностью Анюты.

– Спасибо, Макс.

– Как день? – спросил первое, что пришло в голову.

– Нормально, – ответила она.

Обжигающее мгновение, только что владевшее чувствами, осталось в прошлом. И от пришедшего ему на смену оно отличалось, как солнце может отличаться от самой яркой на земле лампы, подчеркивая контраст между самой жизнью и тем, как ее пытаются представлять.

– Ну, ладно, – Максим забросил на плечо полотенце, – Пойду... А то камни остынут...

Воспоминания толкались у порога сознания, по очереди выпячивая себя. Он отгонял их. Говорил себе – «мысль!» Словно обрезал эту самую мысль, прерывая на полуслове, пока не разрослась, пока не поглотила все внимание. Уже больше полугода пользовался таким незамысловатым приемчиком. Где-то с середины февраля. Когда узнал о нем от Руслана – друга и по совместительству соседа по комнате в университетском общежитии.

– Да ну, Руслан? – недоверчиво улыбнулся тогда, – Неужели, работает?

– Работает, – улыбнулся тот в ответ.

– Разводишь?

– Даже и в мыслях не было. Просто потренироваться нужно. Не все сразу.

Вспомнилось, как это вызвало тогда в нем любопытство, и какое-то время почти непрерывно напоминало о себе, превратившись в идею фикс. Казалось, возникшее в душе противоречие есть результат борьбы желания стать духовно более сильным человеком и неверия в собственные силы. И это задевало самолюбие. Не сказать, чтобы классически – «здесь мент проходил – сказал, что с этого моста прыгать нельзя». Но приходилось признавать, что некая доля глупости все же здесь присутствовала. Сначала, когда стал осваивать прием практически, такое издевательство над собой особых результатов не приносило. Иногда спонтанное мышление разворачивало в сознании такие баталии, что сладить с ним, сколько ни талдычил «мысль», не удавалось. Но потом он неожиданно ощутил его влияние. Количество преобразовалось в качество. «Мысль!» – и мысли нет. Опять появляется – опять «мысль!», и опять она исчезает. Дает возможность войти в сознание другим, ждущим своего часа...

Потянул ветерок. Ночная нега сменилась бодрящей свежестью. Баня позвала предвкушением березового веника.

На полке по всему телу выступила гусиная кожа. Усевшись удобнее, Максим зачерпнул немного горячей воды из бочки и плеснул на камни. От макушки вниз стало обволакивать сухим обжигающим паром, усиливая температурный контраст. На голове и руках зашевелились, стремясь вытянуться вверх, волосы. Тусклый зеленовато-желтый свет запрятанной в толстое стекло лампы и жар, поднимавшийся шевелящимся маревом от камней, создавали ощущение видимости воздуха, вводили в транс полусна-полуяви: ранний подъем и напряженный день исподволь напомнили о себе. И сознание поплыло.

Когда между бочкой с холодной водой и окошком, задернутым выцветшей занавеской, на фоне потемневших от времени бревен показалась полупрозрачная фигура, он даже не удивился. Фигура была нереальной, и потому эмоций поначалу не вызвала. Она продолжала собой его неясную мысль, спонтанно оформленную желанием, спровоцированным телесной негой и расслабленными чувствами. Словно возникший из всего этого статический образ прелестного женского тела находился в поле его сознания, а не там, где он его видел. Немного выждав, шутки ради произнес привычное – «мысль!» Но образ никуда не делся. Наоборот – стал терять прозрачность, словно концентрируя в себе насыщенный влагой плотный горячий воздух, пронизанный тусклым светом. Реакция не заставила себя ждать. По всей длине позвоночника воз-

никло покалывание, а в желудке образовался вакуум. Не то чтобы это был страх, но в тело закралась противная слабость.

Привидение зашевелилось. Приподняло опущенную до сих пор голову и беззвучно засмеялось, не скрывая осознания власти над ним. И это стало шоком. Время, остановившись на мгновение, замерло. Будто маятник, качнувшись в одну сторону, вдруг завис в воздухе, вопреки силе гравитации, вопреки всему, на что опиралось здравомыслие. И стронулся он лишь тогда, когда ночная гостья, словно бы удивившись, спросила:

– Разве ты не хотел меня видеть? – она слегка подалась вперед, отчего ее грудь, реагируя на движение, отвлекла на миг внимание Максима от глаз. Разведя руки, и, бегло взглянув на себя, она снова удивилась, – Разве не такой ты меня представлял? А-а, – догадалась, словно для ее нечеловеческого ума это могло быть тайной, – ты испугался...

Она не то подошла, не то подплыла к Максиму и провела рукой по его щеке. Появилось странное ощущение: прикосновение оказалось совершенно обычным – теплым и ласкающим. Подушечки пальцев, задев мочку уха, как гребень, прошли по волосам на затылке, и рука легла на шею. После такой процедуры, словно именно она явилась спусковым механизмом, в Максиме что-то переключилось. Пустота под ложечкой рассосалась, а в голове появилось и стало быстро разрастаться ощущение огня. Оно, заполняя все и вся, выжигало, остатки мыслей, которые все еще пытались увязать возникновение тела, пугавшее своей необъяснимостью, и само тело – чарующее и зовущее. Наконец, сделав свое дело, огонь стремительно ушел в низ живота, сконцентрировался там и превратился в силу. Перед Максимом уже стояла просто женщина, природа которой предлагала оживляющую влагу его горящей огнем плоти.

– Кто ты? – прошептал.

Вопрос, глухо прозвучавший в тишине, странным образом растворился в горячем и плотном от мельчайших капелек воды воздухе.

– Ты бесцеремонен... – усмехнулась она и, взяв его за подбородок и приподняв голову, заглянула в глаза.

Максим ощутил – почти на физическом уровне, как непреодолимой силой его стало втягивать в бездонную глубину ее зрачков. Словно там была зона пониженного давления. Как будто, трансформируясь в бесплотное текучее нечто, он должен проникнуть туда, просочиться через острые колючие точки. «Странно, – подумал, – такие зрачки при таком свете... Что она ими видит?» Ему до безумия захотелось оказаться на той стороне, раствориться там, стать частью чего-то непонятного, но такого влекущего. Было и стыдно, и приятно, и жутко, и восхитительно одновременно.

– Не бойся, милый. Я пришла не за тобой. Я пришла к тебе, – голос показался не то журчащим, не то мурлычащим. В нем слышалось понятное подсознанию желание. Но одновременно с пониманием этого на макушке возникло знакомое ощущение зашевелившихся волос. И теперь уже не от разницы температур.

– Кто ты? – теряя остатки разума, снова спросил Максим. Он разрывался между вождением и нараставшим ужасом: от догадки – кто перед ним.

– Я – то, что ты сейчас неосознанно пожелал, – голос до неузнаваемости изменился. Он пронизывал собой тело, заставляя его вибрировать, – Ты разве не узнал меня? Я – Смерть и Возрождение. Я – Любовь, – почти пропела она последнюю фразу и усмехнулась. На ее прелестном лице промелькнуло и исчезло знакомое снисходительное выражение, – Сегодня ты познаешь меня. И отныне будешь искать в каждой красивой женщине. И в каждой ты найдешь частичку меня, но никогда не обретешь в полной мере, – она замолчала. А он инстинктивно, по-детски, совершенно бездумно захотел спросить – «почему?» Но не успел, – Время бесед закончилось, милый, – снова замурлыкала она, и нетерпеливо, даже грубовато стала ласкать его, растворяя в себе, но наполняя в то же время все его существо неисчерпаемой силы необъяснимой радостью.

2.

Просыпание в своей постели стало одновременно и удивлением, и шоком. Удивлением – потому что промежуток между тем, что было, и нынешним моментом отсутствовал напрочь. А шоком – потому что память восстановила картину вечера через чувства. Сказать, что это были воспоминания из сна – язык не поворачивался. Они вползли в еще не совсем адекватное поутру сознание горечью потери чего-то очень важного для жизни. И вся прелесть чудесного воскресного утра, на мгновение впорхнувшего в пространство комнаты через открытую балконную дверь, в один момент ступешалась. Не радовало ничто. Ни солнце. Ни щебетание птиц. Ни знакомые и милые сердцу звуки провинциального городка, изредка нарушавшие относительную тишину то перекличкой петухов или собак, то гудением лодочного мотора на реке, который сначала нарастал, а затем также постепенно удалялся. Не хотелось ни есть, ни чистить зубы, ни умываться. Только лежать и вспоминать. Каждой клеточкой кожи, каждым нервом, посылавшим воспаленному мозгу отпечатки вчерашней радости. Тело, пережившее такой шок, требовало рецидива. И только рецидива. Ему – плевать было, каким образом или способом можно вернуть вчерашнюю потерю разума. Главное – вернуть. Чтобы снова соединиться с той запредельной силой, ввергавшей все существо в эйфорию и освобождавшей от косности земного бытия. Он готов был, как Фауст, остановить мгновение. Продать душу. Расстаться со всем, чем обладал в этой жизни. Даже с самой жизнью. Лишь бы еще раз пережить подобное безумие. Внутренне осознавал, что все это неспроста, что за все это придется заплатить. Смутное чувство всеведения уже крепко сжало его в своих объятиях. Оно пульсировало, закачивая и закачивая в сознание тоску понимания того, о чем вчера услышал: такого ослепительного восторга ему не пережить ни с одной из земных женщин.

Через силу он поднялся. На цыпочках спустился по узкой лестнице вниз – на первый этаж, и хотел было тихо прошмыгнуть мимо проема в кухню, чтобы не разговаривать с родителями. Мать что-то шинковала на рабочем столе. Она оглянулась, уловив появление сына.

– Доброе утро, Максим... Выспался? – она почему-то никогда не сюсюкала с ним. Не называла уменьшительно-ласкательными именами.

– Доброе, – ответил, – Я на речку. Освежиться хочу.

– Может, не надо, сын? Вода-то уже совсем не теплая.

– Нормальная еще. Мам, дай мне что-нибудь – ноги потом вытереть.

Захватив полотенце и шлепанцы, он вышел на крыльцо и сразу прищурился от яркого солнца. На мгновение даже забылся. Появилось желание потянуться. Ощутил приятную негу в мышцах. Но только на мгновение. Пока не увидел среди ветвей угол и часть бревенчатой стены бани, маленьким темным окошечком смотревшей в сад.

Дверь оказалась приотворенной. И он наклонился, и вошел. Пахнуло духом холодного сырого помещения. Остывшей топкой с не вычищенной еще золой. Мокрым, с легким запахом гниения, деревом. Едва уловимым, еще не выветрившимся ароматом березовых веников. И ночные чувства, всколыхнувшись бестолково, напрасно попытались реанимировать себя. «Диалектика» – подумал машинально Максим и быстро вышел на солнце.

Тропинка, почти ровной линией полого прочерчивая территорию сада и уходя влево, спускалась к реке не то чтобы круто, но с заметным уклоном. Он побежал по ней. Преодолевал мостки, метров на пятнадцать уходившие ногами столбов в величественное тело реки, и отчаянно прыгнул вниз головой в сверкающую бликами зеленоватую воду.

Река обожгла прохладой. Вырвала из груди крик восторга, мгновенно освободив от пленившего душу ночного кошмара. Заставила тело почувствовать настоящую жизнь. Шевелиться, что было сил. И Максим сначала широким брасом, а затем кролем проплыл почти до середины – до самой быстрины, стараясь грести под углом против течения. Почувствовал, как его сильнее стало сносить. И повернул к берегу.

Его отнесло достаточно далеко. К самой песчаной отмели, которая летом становилась стихийным пляжем. Он вышел из воды, с силой растирая покрасневшую, покрывшуюся пупырышками кожу, и побежал сначала в сторону мостков, а затем по тропинке к дому. Обмыв из шланга, вытер ноги, сунул в шлепанцы и поднялся на террасу. Заглянул в кухню, пообещав матери тут же спуститься завтракать, и проследовал в свою комнату.

Как только открыл дверь и увидел у окна мольберт, тревога, сопровождавшая почти все утро, просочилась в сознание мыслью набросать портрет ночной гостьи. Он даже воспрянул духом. Обозначилась цель, предполагавшая действие. И это стало лекарством для мятущейся души. В мышцах появился зуд, реализовавшийся в суетливость движений. Руки стали опережать мысли. Максим схватил фанерный прямоугольник, служивший ему основой для бумаги. Прикрепил к нему лист белого, с молочным оттенком картона. Сел на кровать и стал быстрыми движениями наносить линии.

Около часа провозился с рисунком – то так, то эдак переключая на коленях свою «фанерку». Что-то неуловимое ускользало от внимания. Что-то очень важное. Вроде бы и нюансы все учтены. Но жизни в наброске не было. Казалось, каким-то холодом от него веяло. Красота – та же. Но тепло – отсутствовало. Оно будто ушло вместе с жаром вчерашней бани, заместилось тем, что увидел и почувствовал сегодня, заглянув туда. Снял лист и бросил на кровать. Прилепил еще один...

В дверь постучали.

– Можно к тебе? – мама, не дожидаясь ответа, вошла в комнату, – Ты что – бастуешь? Жду тебя, жду...

– Я сейчас, мам. Уже иду.

– Красивая девочка, – мама понимающе улыбнулась, взглянув на рисунок, лежавший на кровати, – Не видела ее ни разу. Кого это ты нарисовал, Максим?

«И, слава богу, что не видела!» – вспыхнуло в сознании.

– Это из головы, – отмахнулся, – Пошли лучше завтракать.

– Ты знаешь, все хотела спросить у тебя... – мама замолчала.

– Что? – Максим посмотрел на нее с интересом, потому что интонация показалась незнакомой.

– Хотела спросить – как тебе Аня? Мне показалось...

– Мама! – возмутился Максим, будто отражал нападение, – При чем здесь Аня?

– Что значит – при чем? – сменила тон и мать, – Мне показалось... Да я просто спросила – как она тебе: нравится, не нравится?

– Аня? – Максим успокоился, – Аня – друг. Друг детства. Мам, и давай больше об этом не будем. Я тебя услышал. Если мне кто понравится... в этом смысле... – он изобразил улыбку, – ты узнаешь первой. Обещаю.

– Ну, смотри мне! – шутя погрозив пальцем, заключила мама, – Пойдем. Кормить тебя буду.

Спустившись почти сразу за матерью вниз, Максим сел за стол.

– А где отец?

– Не знаю, – отозвалась мать от плиты, и чуть помедлив, добавила, – Не сказал, когда уходил, – она принесла и поставила перед ним тарелку, – Так спросил? Или хотел чего?

– Да так, мам. Просто.

– М-м, – почему-то произнесла она.

Максим посмотрел на нее и улыбнулся. Даже на мгновение забыл о своих переживаниях – сцена показалась смешной.

После обеда объявилась Анюта. Она постучала. Приоткрыла чуть дверь, спросив для проформы разрешения войти. И почти сразу же впорхнула в комнату, как всегда это делала на протяжении многих лет.

– Привет, Максик. Как дела?

– Привет, – пробурчал он недовольно.

– Хм, и кто это чудище? – она взяла рисунок и стала разглядывать, не скрывая своего отношения к изображенному лицу, – Твоя? Дохлая она у тебя какая-то. Такое ощущение, как будто ее вампир поцеловал, – ее улыбка говорила сама за себя, сообщая, что сказанным Анька весьма довольна.

– Положи на место, – начал злиться Максим, – Тебе-то какое дело до этого?

Анюта бросила лист на кровать и по-свойски забралась с ногами в кресло, совершенно по-домашнему, не задумываясь, как это может выглядеть со стороны.

– Да ладно, забей, – словно бы извинилась она, – Это я так. От зависти. Что тебе дано такое от Бога, а мне нет... а, может, и ей завидую? – с вызовом улыбнулась она.

Максим посмотрел на нее – хотел прокомментировать скрытый комплимент. Но не получилось. Анька, конечно, друг, но то, как она уселась, выходило за рамки элементарного приличия. «Что это? – подумал, – Как в детстве? Без задней мысли? Словно дома? Или... Нет, на Аньку это не похоже. Чтобы она так вульгарно подкатывала?»

– Ань, – он улыбнулся и кивнул взглядом на ее ноги, – Ты что – кадришь меня?

Ее лицо вспыхнуло, и она быстро обтянула коротенькое платьице.

– Извини.

– Да ничего, – усмехнулся, – Мне было приятно.

– Слушай, – перевела Анюта тему разговора, – Я чего пришла: ты завтра во сколько едешь? На первую?

– А что?

– Да в моей чек загорелся. Колодки тормозные. Надо уже менять. Отец завтра отгонит ее в мастерскую.

– Хочешь со мной?

– Ну... Возьмешь?

– Ты даешь, Ань. После того, как спросила... ни за что.

Мгновенное недоумение на ее лице и последовавшая затем улыбка вызвали у Максима смех. Засмеялась и Анюта, заразившись.

Вошла мама с подносом. На нем – две чашки, сахарница и соломенная вазочка с льняной салфеткой внутри, из которой выглядывали края хвороста.

– Вот, – сообщила, – Анечка напекла. Хозяюшка.

– Да ты что? – Максим сделал нарочито удивленное выражение лица, – Анечка?

– А ты бы не выкаблучивался. Лучше спасибо скажи Анечке, – мама отложила в сторону книгу на журнальном столике и поставила туда поднос.

– Спасибо, – продолжил он в том же духе, уже подхватив хворостину и откусив. Но одумался, – Нет, Ань, на самом деле спасибо... От души. Очень вкусно.

– Может, вам еще варенья? Яблочного? Свеженькое – вчера только сварила, – поинтересовалась мама.

Максим посмотрел на Анюту.

– Нет, спасибо, тетя Наташа, – поняла она, что вопрос адресован ей, – Я и чай-то без сахара пью последнее время.

– Ну, как знаете, – сказала мама и вышла.

Анюта встала, взяла чашку и снова уселась в кресло, осмотрительно натянув при этом на коленки платье.

Они общались еще с полчаса. Она что-то щебетала, заставляя Максима периодически выбираться из водоворота воспоминаний, в который сознание постоянно пыталось нырнуть. И тогда душу его начинало щемить понимание простоты жизненных притязаний. Он нежно поглядывал на Анюту, понимая по-человечески, что ей от него нужно. Потому что эта вчера еще худенькая девочка, став женщиной, вызываясь округлившимися формами рождала в его душе лишь простое без сердечной подоплеки желание. И именно оно взывало почему-то к совести и провоцировало сожаление, что он не может ответить на ее чувства. Именно оно – сожаление – трансформировалось в нежность к этому близкому, чуть ли не родному человечку.

– Я, наверное, мешаю тебе, – вдруг спохватилась Анюта, и встала, – Пойду уже... – ее выражение лица и вся поза говорили о нежелании уходить. Она словно ждала, что Максим скажет ей, чтобы она оставалась, – Не забудешь? – спросила.

– Что? – не понял он, – А-а? Да, конечно. За сколько тебя набрать.

– Минут за сорок.

– Хорошо.

– До завтра? – спросила Анюта, словно на что-то еще надеясь.

– Да, Ань. До завтра.

И она ушла. А он весь оставшийся день воскресенья просидел в своей комнате, меняя листы бумаги на своем импровизированном эскизнике, пытаясь придать жизненность оборочительному лицу ночного существа. К сумеркам вся кровать была устлана набросками, не получавшихся на его взгляд портретов. Иногда он поднимался, подходил ближе и разглядывал их, наклоняясь почти вплотную. А то отходил на расстояние. Глазами перебежал от эскиза к эскизу, тщетно пытаясь обнаружить неуловимый огонек жизни в красивых с паволокой глазах. Но все оказывалось безрезультатным. Наконец, Максим собрал все свои творения в папку и спустился вниз – его позвали ужинать.

После еды пришлось немного задержаться – отец затронул свою любимую футбольную тему, и Максим, желая сделать ему приятно, остался ненадолго. Но затем, сославшись на ранний подъем и поездку в университет и пожелав родителям спокойной ночи, поднялся к себе. Долго лежал, не в силах заснуть. Только закрывал глаза, как казалось, что вчерашняя незнакомка здесь. Рядом. Будто видел все ее прелестные формы через веки. И тогда мужская природа в нем начинала бунтовать. Он открывал глаза – и образ исчезал. Лишь размытое пятно, когда начинал всматриваться в темноту, появлялось там, где, казалось, только что видел ее.

Так продолжалось, пока в очередной раз ни открылась картина уже по ту сторону от физической реальности. Но еще не во сне. В промежуточной зоне. Максим снова увидел ее. Обнаженную и такую реальную. Но вслед за этим пришло поразительное понимание иллюзорности увиденного – понимание того, что он спит и видит сон. Вожделенная фигура стала таять – вместе с сознанием, погружаясь в крошечную темноту небытия.

Несколько раз за ночь он просыпался. От страха, что все происходит наяву. Первый раз приснилась розоволицая, как тогда, когда увидел ее после бани, Анюта. В фате. В длинном белом платье, с выпирающим недвусмысленно животом... Ощущение краха надежды на счастливое будущее ввергло все его существо в ступор. «Это же чистой воды подстава, – заблажил, оправдываясь, – Я же не был с Анькой ни разу...» И проснулся. Промелькнувшая было мысль, что жизнь бесславно закончилась, разбилась о вернувшееся ощущение свободы. Второй раз ему снова приснилась она. Раскорячившись в кресле, но уже совсем вульгарно, Анька призывно выпячивала свои ослепительно белые трусы. Манила руками... Он перевел взгляд выше. И снова увидел фату. Но из-под ее вуали на него смотрели уже не глаза Анюты. Его сверлили острые зрачки той, от которой он едва не свихнулся вчерашней ночью. Ему – только что готовому вожделенно, словно кролику на призыв удава, следовать в объятия – захотелось исчезнуть, стать невидимкой. Он опустил глаза, и опять почувствовал в себе раздвоение – борьбу вождедения и страха. С нечеловеческой силой его тянуло к этому белому, ослепительному треуголь-

нику. И с такой же силой отталкивало – он боялся его, как черт боится ладана. Душу разрывало на части. И обезумевшее сознание, не сумев найти решения во сне, вернулось в реальный мир.

Третий раз Максим проснулся, когда еще не яркий утренний свет уже пробивался сквозь веки. Открыв глаза, он снова зажмурился. Но было поздно – сновидения оказались засвеченными. Лишь пульсирующие чувства – то расширяясь, то собираясь в точку – еще напоминали о них.

3.

Дорога до столицы, благодаря осмыслению двух предыдущих ночей, пролетела быстро, если не считать небольшой задержки: совсем уже перед въездом – за стелой – остановили гаишники. Когда ехали, он слышал, что говорила Аня – включался в разговор. Но потом снова пропадал в себе, проводя аналогии и пытаясь понять – что же все, что с ним случилось, значит. Иногда реагировал на паузы в разговоре – возвращался в реальность, чтобы, задав попутчице какой-нибудь вопрос, уже не слышать на него ответа.

Когда увидел человека в форме, вышедшего на дорогу и показавшего жезлом на обочину, машинально взглянул на спидометр.

– Черт! Надо же – почти приехали уже... – сердце екнуло. Но оказалось – все в порядке. Туловище с помощью подсознания исправно выполняло свои обязанности – следило за дорогой и за приборами.

– Может, просто документы проверяют, как обычно, – решила успокоить Аня.

– Может. А может... сегодня же понедельник, может, на допинг проверят?

– Ты же не пил вчера... – не то констатировала, не то поинтересовалась Аня.

– Да нет... – Максим остановился, достал из внутреннего кармана документы и успел опустить стекло, пока гаишник подходил к машине.

– Лейтенант Дрязгин, – отрапортовал тот скороговоркой, проглотив последнюю букву, словно стеснялся своей фамилии и хотел поскорее покончить с формальностью. Получилось смешно. По крайней мере, так показалось Максиму, и он чуть сдержал себя, чтобы не усмехнуться, – Ваши документы, – добавил лейтенант, козырнув, словно в упор не видел перед собой протянутую из окна руку, – С какой целью следуете в город... Максим Николаевич? – поинтересовался он, просмотрев все, что ему полагалось проверить, и как-то изучающе посмотрел на Максима. На рябом от веснушек лице офицера даже появилось вопросительное, с каверзной ухмылкой выражение, какое бывает у людей не особо достойных, но обличенных властью. Показалось даже, что он сейчас обязательно будет примитивно хохмить.

– Я студент...

На плече стража порядка ожила рация: «восьмой» с шипением пролаял «десятому», что на каком-то километре – на каком, Максим не расслышал – проскочила черная «бэха» на большой скорости в их направлении.

– Десятый восьмому, – лейтенант Дрязгин изменился в лице. Он даже слегка поморщился: то ли от того, что разговаривал со старшим, то ли от того, что неизвестно с кем еще столкнет жизнь в связи с этой «бэхой», а долг исполнять все же придется, – Вас понял, – он вернул документы, автоматически козырнув и пожелав счастливого пути.

Город встретил заторами. Но сегодня повезло. Только дважды, минут по пятнадцать, пришлось простоять в пробках. Максим снова стал пропадать на своей волне. Ему все время сигналили сзади, когда он, казалось, на мгновение отключался от действительности. Постоянно кто-то подрезал, переезжая из других полос, воспользовавшись образовавшимися промежутками. Из-за этого приходилось резко тормозить, еще больше вызывая недовольство тех, кто ехал сзади.

– Макс!? – не выдержала, наконец, Аня, – Ау!?! Что с тобой? Всю дорогу спишь. Может, я за руль сяду?

– Да нормально все. Просто понедельник – идиотов куча на дороге.
– Ну-ну, – Аня засмеялась, – Ты себя-то видел сегодня в зеркале. Если не видел, посмотри.
– Знаешь что, Анька... Ты что – жена мне? – Максим нервно рассмеялся, – Ишь ты ее – пилит... Набилась – терпи. А нет...
– Что высадишь?
– Ань, извини, – опомнился Максим.
– Ты знаешь, высади, пожалуй, меня здесь... Мне еще в магазин забежать надо.
– Ань, ну, кончай. Я же извинился...
– Мне серьезно надо. Останови.
– Ну, хорошо, хорошо, – он перестроился и припарковался у самого бордюра, включив предварительно «аварийку», чтобы задние не сигналили
– Пока, Макс. Спасибо, что подвез.
– Да ладно тебе, Ань, – смущенно отмахнулся он, – Ань!? – окликнул, опустив стекло. Она обернулась, – Без обид?

Анюта посмотрела на него и, победно улыбнувшись, зацокала каблучками по бетонной плитке тротуара.

Наконец, путешествие подошло к концу. Подъехав к корпусу и оценив ситуацию, Максим припарковался в единственном на площадке месте, оставшемся еще не занятым. Да так, что чуть выбрался из машины – боялся коснуться дверью красивого блестящего «Доджа», лишенного производителем молдингов. Взглянув в сторону центрального входа, за которым исчезали один за другим студенты и преподаватели, он вдруг с грустью осознал, что не совсем здоров, и что день обещает быть длинным и утомительным. Его слегка познабливало, и мышцы одолевала слабость. А в районе солнечного сплетения, ощущались раздражающий тремор и пустота, через которую тело, растворяясь внутри себя, вытекало наружу. И это было омерзительно. Появилась мысль, что он – как резиновый шарик, из которого со свистом выходит последний воздух и который вот-вот скукожится окончательно.

Два раза на лекциях засыпал, не в силах бороться с навалившейся на веки тяжестью. Его просто вырубало. В какой-то момент зрительные оси вдруг становились неуправляемыми, начинали цепляться друг за друга, пульсировать и теряться. И тогда пропадала точка опоры – Максим проваливался и падал. Слава богу, что это происходило в обычной аудитории, где можно было спрятаться за спинами сокурсников.

Первый раз он проснулся от своего собственного сдавленного звериного стога. Очнулся даже до него, но уже не успел подавить рефлексию.

– Ты силен, братишка, – прошептал улыбавшийся во всю физиономию Руслан, локтем ткнув его в бок.

«Вот это лоханулся!» – Максиму стало ужасно неудобно. Не столько от того, что уснул, сколько – что застал во сне. Увидел, как оглянулись и стали улыбаться те, кто сидел ближе. Услышал тишину в аудитории.

– Громко заорал? – спросил он шепотом Руслана.
– Да уж не тихо. Видишь, даже препода заинтересовал.
– Стыдхуа, блин... Он что – видел, кто это?
– Да ладно, расслабься. Шучу я. Думаю, что не слышал. Просто совпало, что замолчал.
– Фу-ух, – выдохнул Максим. Эта встряска на какое-то время взбодрила его. Но ненадолго. Второй раз он проснулся, когда профессор, нейтрализуя начинавшийся шум, повысил голос, говоря заключительную фразу и прощаясь.

Весь день до обеда чувствовалась опустошенность. Внутренности будто высосали. А в солнечном сплетении так, как и утром, пульсировала тяжесть. Там, казалось, кто-то ворочался. Наконец, последняя пара позади.

– Макс, ты сейчас куда? В общагу?
– Нет, Руслик, – остановил он друга, – Я сегодня... чувствую потребность в свежем воздухе. Ты...

– Значит, ты помнишь наш договор? – перебил Руслан, – Ну, и отлично. А то мне показалось, что ты забыл. Давай, тогда. До вечера.

«Странно... Что я должен был помнить?» – подумал Максим, но в голову ничего не пришло.

– Стой, Руслик. Мне, конечно, стыдно... но о чем мы там договаривались?

– Ну, ты сволочь, Гарецкий! – улыбнулся Руслан, – Так я и знал! Хорошо, что напомнил. А то бы ты нам с Ленкой весь кайф, чувствую, обломал бы.

– А-а-а! Все. Вспомнил. Давай. Пошел я.

– Давай, – Руслан как-то странно посмотрел на него.

«Что опять не так?» – подумал Максим, но на этот раз уточнять не стал. Хотелось поскорее уйти. Остаться одному.

4.

Он вышел из корпуса и отправился на центральный проспект – в сторону площади Победителей. Незаметно для себя миновал и ее, и здание политехнического института. И только здесь обратил внимание, где находится. Ноги привели к пиццерии. Здесь обедали студенты и учащиеся из близлежащих вузов и колледжей. И они с Русланом исключением не были – частенько наведывались сюда, когда позволяло время. Пиццерия при ограниченном выборе позиций в преysкранте славилась относительной дешевизной и потому, наверное, в большей степени пользовалась успехом. К тому же в ней еще было хорошее разливное пиво. Правда, ко многим ее преимуществам от открытия до закрытия добавлялся скромный недостаток – неслабая очередь. Осознав, и где он, и что не настолько голоден, чтобы проторчать здесь неизвестно сколько, и что кроме пива в кафе – ничего покрепче нет, захотел уйти. В голову вдруг пришло не просто выпить – надраться. Ну, может, не совсем. Но все же, как следует. И притом чтобы никого знакомого рядом не оказалось. Совершенно одному. Просто чтобы ни с кем не нужно было говорить. «Алкаш, блин, конченный!» – вынырнул из бессознательной сути комментарий. Стало смешно от того, как отреагировала психика на спонтанное желание. «А что? – подумал, – Ну, на худой конец, с кем-нибудь незнакомым. Который не будет лезть в душу. Не будет ни о чем спрашивать. Кому до лампочки твои заботы. А потому – ни участия, ни интереса. Даже если сорвешься, он просто, может быть, выслушает твои стенания, как исповедник. А может, и наплюет на твою малю-юсенькую проблемку и начнет убаюкивать тебя своими пролемищами». Перед внутренним взором возникли стойка и бармен. «Нет, – решил, – Только не туда... Может, на природу?» И сразу же на глаза попался биллборд с рекламой гипермаркета. «А почему бы и нет? – он даже обрадовался, что все так хорошо складывается, – Возьму чего-нибудь и в парк – на травку». Он присмотрелся к рекламному щиту и в душе, почему-то шевельнулось недовольство «таким глупым и, пожалуй, даже пошловатым слоганом», сопровождавшим красочные картинки изобилия продуктов. Как будто стенд устанавливали лично для него, а ему вообще-то нужна была только водка. Ну, может, еще какая-нибудь нарезка. Сыра, например: сбивать вкус. Ну, в конце концов, маленькая бутылочка какой-нибудь сладкой отравы.

Войдя в зал, Максим под ритмичную, зомбирующую сознание музыку быстро нашел на полках необходимое и отправился искать свободную кассу. Повезло. К одной из резервных подошла девушка в форменной одежде и открыла проход. Максим оказался почти рядом. Но оказался вторым – за мальчишкой с мороженым, нагло перед ним прошмыгнувшим в портал кассы. «Ну, пацан, – возмутилось сознание, – шустрый, как веник. Не промах».

Рыженькая хохотушка в фирменном кокошнике успевала, и выполнять свои обязанности, и перебрасываться фразами с коллегой. Она быстренько провела через сканер мороженое,

быстренько рассчитала мальчишку, также быстро провела то, что положил на транспортерную ленту Максим, и посмотрела на него.

– Пакет нужен? – спросила, улыбнувшись.

– Нет, спасибо. Не надо, – он хмуро взглянул на кассира. И улыбка в уголках ее красивых глаз на мгновение погасла. Показалось, что зрачки у нее при этом сузились, и лицо на какой-то миг привиделось лицом ночного существа. Максим даже отпрянул, окончательно смутив девушку. «Гарецкий, держи себя в руках, – мелькнула мысль, – Ведешь себя... как маньячила».

Сложив приобретенное в рюкзак, он вышел из наполненного гипнотизирующим ритмом магазина. На солнце. В свежесть – пусть и городскую – воздуха, с его легким теплым ветерком. И направился к остановке. Туда, куда собирался, было не близко.

Почти всю дорогу на автомате осмысливал, почему на его вопрос «кто ты?» она ответила «Я – Смерть и Возрождение». «Почему? – мучился, – Почему она назвала себя смертью и возрождением? Что хотела сказать этим? Или она и есть это? Почему тогда добавила, что она – любовь? Неужели любовь – это и есть смерть и возрождение?» Вопросы множились. А вместо ответов приходили смутные догадки. И такие же смутные чувственные привязки к ним. Словно вот-вот нахлынет озарение, заполнит собой душу и все станет ясным и понятным. Очнулся, когда оставалась одна остановка. Изнутри – оттуда, где только что пребывал, мир на мгновение показался серым и скучным, хотя всю светило солнце, а зелень еще и не помышляла о трансформации цвета.

Когда выходил из троллейбуса, заметил знакомую. Отвернулся, надеясь уйти не замеченным: не хотелось ни с кем разговаривать – переливать из пустого в порожнее. Но она его уже вычислила и улизнуть не дала.

– Макс? – голос выдал искренность радостной эмоции, – Гарецкий?

Он повернулся: делать вид, что не услышал, было бы уже слишком.

– Людочка! – воскликнул, словно искал ее, – Привет, дорогая! – скинул ее фигурку с ног до головы, – Выглядишь – супер.

– Привет, Максик, – она подошла вплотную, чуть ли не касаясь подбородком его груди, и заглянула в глаза – снизу вверх. Словно была в чем-то виновата. Словно ждала жеста – разрешения встать на цыпочки и поцеловать. Это продолжалось не больше секунды, после чего Людочка, не дождавшись, встрепенулась, – А что ты в нашем районе делаешь? – безапелляционно поинтересовалась она, хитренько с прищуром улыбаясь. Сказывались близкие, несколько раз случавшиеся отношения – без обязательств. Людочка – человек легкий. А потому – никаких обид и претензий. Теперь – «типа родственники» – можно сказать, брат и сестра. Все путем.

– Я? – Максим сделал попытку усмехнуться, – Да так. Надо кое-что.

– А, может... ко мне? – она наклонила головку и снова игриво прищурилась, – У меня – никого.

Мысль мгновенно заработала, всколыхнув знакомые чувства. Кровь, выталкиваемая сердцем с большей силой, побежала по артериям быстрее, и он уже готов был согласиться, мгновенно представив все Людочкины причуды. Но в последний момент в сознание вплыл образ таинственной незнакомки. И Людочка – нежнейшее создание – показалась в сравнении с ней каким-то крокодилом. А пикантные подробности, выпяченные сознанием и восторженно оцененные, вдруг приобрели оттенок пошлятины. И все.

– Извини, солнце... – он сожалел, что приходится лгать, но иначе сейчас не мог. Уловил мгновенное, но яркое сомнение на ее лице, – Извини – не сегодня. Мне надо...

– Да ладно, Гарецкий, – перебила она, – Проехали. Вижу...

– Нет, я вправду тороплюсь. Очень хочу, Людочка. Но не могу, пойми.

– Ну... – она посмотрела на него вопросительно, делая шаг назад, – я пошла? – паволока в ее глазах выдавала обиду. Людочка особо и не скрывала ее. Может, даже и не пыталась.

«Ну вот – обидел хорошую девчонку. Может, это ей надо сейчас, как глоток воздуха? А я... Когда уже научусь врать по-человечески?» – он почти разозлился на себя, почти готов был отмотать все назад, но понял, что уже бесполезно – поезд ушел.

– Пока, Людочка, – улыбнулся, как можно задорнее, и попытался свести все к шутке, – В следующий раз троекратно заглажу вину. Обещаю, – Максим приложил пальцы к губам, посылая ей воздушный поцелуй, – Пока, – повернулся и пошел. Не оглядываясь. Хотя чувствовал спиной, что она смотрит вслед.

Минут через пять он уже был на месте. Народу в парковой зоне – не особо. В такую погоду треть населения близлежащего микрорайона – точно за городом. Особенно пенсионеры. Используют остатки лимита завершающегося дачного сезона. Остальные, как положено, на работе или на службе. Поэтому местечко на берегу речушки, обсаженной кругло остриженными небольшими ивами и старыми раскидистыми ветлами, чуть ли не полоскавшими свои длинные косы в воде, отыскать не составило труда. И даже под сенью одной из них. Максим сел ближе к выступавшим из земли корням и сбросил лямки рюкзака. Достал и выложил сыр и воду прямо на траву. Подумал и переложил, расстелив, на пакет. Водку, оглянувшись – нет ли поблизости стражей порядка, пил прямо из горлышка. О стакане в магазине почему-то не вспомнил. Опыта не хватило. Сделал три крупных глотка. Будто это вода была, а он изнемогал от жажды.

Когда оторвался от бутылки, почувствовал, наконец, и запах, и вкус, спровоцировавший обильную слюну. Попытался нейтрализовать отвратительное состояние сладостью напитка. Стало еще противнее, чем было. Возникшее ощущение пустоты заполнила тошнота. Он ощущал ее и физически, и морально. До спазм, которые подкатывали от желудка к горлу. Отвратительным казалось даже то, что попадало на глаза. На противоположном берегу – буквально рукой подать – совсем недалеко от горбатого с перилами мостика, переброшенного через узкую полоску воды, полусидел-полулежал неприятный тип. Его неухоженный вид вызывал у Максима физическое отвращение. Человек, видимо, спал. Потому что лицо оказалось прикрытым клочком мятой газеты, а из-под головы, исполняя роль подголовника, торчал край темной, изрядно обшарпанной, клетчатой сумки. А еще потому, что его выпуклый живот равномерно поднимался и опускался при дыхании. Эта роскошная деталь туловища, как вызов обществу, выделялась из-под съехавшей к самой груди рубашки. То, что живот грязный, было видно даже отсюда. А на этой стороне, чуть вправо от него, под претенциозно остриженным декоративным кустом вальяжно пристроилась вульгарная парочка. Парень с девушкой, чуть преодолевшие подростковый возраст, напоказ тискались и противно целовались в засос, демонстрируя свою взрослость. Голос слева заставил повернуть туда голову. Молодая бабушка выгуливала внука, периодически противным надтреснутым голосом подавая оградительные команды.

Уловив затылком чье-то присутствие, Максим оглянулся. Сзади за ним, шагах в десяти, сидело существо неопределенного пола и возраста с классической рыночной кошелкой. По-видимому, ждало пустую бутылку или остатки пиршества. «Что за денек?» – Максим встал, решив поискать другое место. Побрел вдоль берега в надежде, что там – дальше – публика будет посOLIDней.

И, правда – метров через двести вдоль береговой дорожки расположились скамейки. Сплошь и рядом стали попадаться молодые мамочки с колясками, уютно вязавшие, читавшие небольшого формата книжечки или агукавшие своим чадам. Здесь даже деревья и кусты были симпатичнее. И речка не такая грязная. Даже бесполое существо, неотступно сопровождавшее его, не казалось здесь таким назойливым и противным. Выбрав место недалеко от выкрашенной под стать листве скамейки, где двое подростков тыкали по очереди друг другу под нос свои телефоны, уселся на траву. Сделал еще три глотка. Но уже небольших. Стал есть сыр, вертя головой и тупо разглядывая все, что попадалось. Окружающая среда претерпевала трансформацию. Природа уже не была так предвзято настроена к нему. Он перестал замечать

мусор вокруг и раздражаться от изобилия торчавших повсюду из воды пластиковых бутылок из-под пива. Ожидавшее его милости существо уже больше походило на женщину, хотя и с некоторыми оговорками. А тут и там валявшиеся окурки теперь, скорее, говорили о бренности существования, нежели о тех гадких людях, которые их бросили. Банальные фразы о том, что истина в вине, и что жизнь не такая уж и плохая штука, поочередно всплыли в сознание. Максим глуповато, как показалось себе самому, улыбнулся. Встал. Отряхнул штаны. Забросил за спину рюкзак и пошел назад. Оглянулся, чтобы увидеть обретаемое измученным человеком счастье – полбутылки водки, недоеденный сыр и почти не тронутый лимонад. Усмехнулся и направился к выгнувшемуся по-кошачьи мостику, чье кружевное ограждение сплошь и рядом обременили навесные замочки жаждавших любви и счастья. Оттуда, скорее всего, к ошарашенному им существу, уже бежал выпавшийся бомжеватый мужичек. «Счастье никогда не бывает безраздельным», – подумал Максим, и снова усмехнувшись, зашагал к троллейбусной остановке.

Эта фраза привела его почему-то к мысли о Людочке. К тому, что он уже готов и к встрече с ней, и к отношениям, которых она так хотела. И что она – такая бедненькая, а он чурбан и сволочь, и, вообще, обидел ее. И теперь просто обязан как-то реабилитироваться перед ней. Максим даже остановился: «Точно. Вперед, Гарецкий. Тебя ждут». Он повернул к двенадцатиэтажному недавно построенному дому, прошел под аркой и оказался в затененном от солнца дворе. Напротив – за детской площадкой – увидел знакомый, с крыльцом в несколько ступеней, подъезд. Поднялся пешком на третий этаж. Постоял несколько секунд, вдруг засомневавшись в правильности того, что делал, но мысли – отыгрывать назад – не возникло. Чувства настаивали. Он нажал на кнопку звонка, и стал ждать.

Ему долго не открывали. И Максим подумал, что Людочка, видать, ушла, и что, наверное, и слава богу. В нем даже успела появиться радость по поводу озарившего его сомнения. Но он все равно еще раз нажал на кнопку звонка, и с чувством исполненного долга уже собирался уходить, когда за дверью послышалась возня.

– Кто там? – в голосе чувствовалось явное недовольство.

«Наверное, спала? Разбудил, наверно?» – эмоции встрепенулись и нарисовали в сознании образ полусонной Людочки, ее голое тело, прикрытое простыней, которую она придерживала на груди, чтобы та не соскользнула. Тело, которое вождделело объятий и поцелуев.

– Это я – Макс, – его голос прозвучал так, словно в нем – в этом голосе и заключается само счастье. Что вот – только открой дверь – и оно войдет в тебя, заставит забыть все невзгоды, все заботы и боль одиночества.

– Что тебе надо? – в ее чуть охрипшем тембре прозвучала еще не вполне осознаваемая им, но заронившая неудовольствие странность. «Неужели, так сильно обиделась? Или я настолько пьян, что ничего не соображаю?» – отреагировало поглупевшее до неприличия сознание.

– Мне? – удивился он, еще не понимая того, что ситуация изменилась не в его пользу, – Это же ты хотела... Ты меня звала. Я и пришел.

– Макс! Уходи!

– И что – ты мне даже не откроешь? – чувства, настроившись на радость, не хотели верить в то, что происходит, а потому и не собирались сдаваться. Они воспринимали все как игру, как прелюдию к ожидавшему их восторгу.

– Макс... Я... – сомнение в Людочкиных паузах прозвучало подтверждением правильности мысли.

– Люд, ну хорош кокетничать. Прости уже меня – открывай.

– Макс, я не одна, – наконец, решившись, выдала она, – Иди домой.

Наверное, если бы сейчас он пропустил удар в голову, это было бы меньшим потрясением для него.

– Да? – спросил он, еще не успев до конца адаптироваться к новым условиям, – Быстро как-то ты... – первая мысль – «шандарахнуть кулаком в дверь» – показалась еще глупее, чем то положение, в которое сам себя загнал. И как результат – вслед за неосуществленной агрессией возник смех. «Ну, сучка!» – хмыкнул, завершая этой исполненной оптимизма мыслью свое глупое приключение. И быстро преодолев ступени подъезда, сбежал вниз. Свежий воздух после затхлости обремененного мусоропроводом подъезда окончательно развеял всякую иллюзорность – мгновенно перестроил психику на почти здоровую работу сознания. Максим еще постоял несколько секунд, вдыхая и выдыхая ароматы урбанизированной природы, и зашагал к остановке.

5.

Она проснулась так, как будто вынырнула из глубины. С последним усилием. Будто еще немного и не выдержала бы. Еще чуть-чуть – и все. Резко перевернулась на спину и машинально щелкнула выключателем бра, спасаясь от темноты, олицетворявшей собой нехватку воздуха. Лежала, быстро вдыхая и выдыхая. По мере того, как приходило насыщение крови кислородом, усиливалось неприятное ощущение. Простынь и пододеяльник противно липли к телу. Ужас, пронзивший все существо при просыпании, активизировал мысль. Пришло осознание, что лежала, уткнувшись в подушку лицом. Настя сбросила с себя одеяло и раскинула ноги. Постепенно чувства стали трансформироваться. Наплывавшие образы только что пережитого во сне поменяли отношение к действительности. Уже не так воспринималась липкость постельного белья, которая постепенно улетучивалась вместе с испарявшейся влагой. Дыхание восстановилось, давая возможность крови исполнять свои обязанности в соответствии с ее статусом. Опустив ноги на пол, она села, собираясь встать и отворить полностью половину окна. Но состояние расслабленности не позволило этого сделать. Настя качнулась чуть вперед и застыла.

Свет бра стер массу деталей в образах сновидения, оставив без изменения лишь эмоциональный фон, сопровождавший их – с легким налетом чего-то постыдного. Но, как ни странно, это не вызвало ни раскаяния, ни даже сожаления. Может, только чуть-чуть. Образ человека из сна был размыт. Вместо лица светилось пятно. И сколько ни силилась она вспомнить его через чувства, так и не смогла. Вот от этого, как раз, по мере стараний, и росло ощущение сожаления. А еще – недовольства. Как когда-то в детстве, когда хотела очередную куклу, а ее не покупали, непонятно объясняя – почему. А она так этого желала. И потому злилась. Но не на родителей. На причины, о которых ей говорили, одушевляя их по простоте душевной.

Наконец, Настя все же встала и подошла к окну. Отодвинув горшочек с кактусом, чтобы не мешал, распахнула боковую фрамугу. Ночная прохлада, напоенная еще совсем не осенним ароматом, обьяла разгоряченное сном тело. Заставила кожу отреагировать на себя. Луна уже ушла с горизонта. Темные, без желтых квадратиков света дома подчеркивали городскую яркость звезд. Они светились достаточно отчетливо в это время суток, почти незаметно пульсируя. Особенно Большая Медведица. Она – почти напротив, почти прямо на севере. Настя взглянула на часы на стене. Без пяти три. Подумала о завтрашнем дне – о том, что нужно выспаться. Постояла еще с минуту и вернулась в постель. Долго лежала, не догадываясь выключить лампу. Сознание, как заправский клипмейкер, стало варьировать мысли, свивая свою причинно-следственную цепочку только ему понятным манером, пытаясь снова и снова выявить размытый лик.

Что-то неявно стало пробиваться, пульсируя и облекаясь в форму. Мелькнула мысль, что засыпает. И рука машинально потянулась к выключателю. Сознание стало меркнуть, концентрируясь на светящемся пятне лица и вызывая все большее желание снова оказаться в том же самом сне – ощутить обжигающую близость, увидеть, наконец, поразившие воображение глаза. Вновь появилось чувство стыда, сопровождавшее желание наслаждения, став последним фактом, который запечатлела меркнущая реальность в точке перехода.

С этим же чувством наслаждения, граничившего со стыдом, Настя и начинала просыпаться. Глаза открывать не хотелось: во внутреннем взоре еще все оставалось по-прежнему. Сознание, возвращаясь на свое законное место, запечатлело в переходном состоянии того же самого человека, но уже не с пятном вместо головы, а с красивым мужественным лицом, на котором исполненные нежности светились любовью глаза. «Господи, на кого же он похож? – мелькнула мысль, – На кого-то из телеведущих... Как же...» В какое-то мгновение его лицо трансформировалось, и Настя увидела совершенно другого человека. Он так же был красив, и так же волновал сердце. Не так, правда, глубоко – зато чуточку острее. Это продолжилось несколько мгновений, после чего все вернулось. Насте снова улыбался парень, похожий на телеведущего, и она снова попыталась вспомнить его имя. «Андрей... Андрей... Андрей...» – стало пульсировать сознание. И она обрадовалась, что вспомнила, и уже собралась было заговорить с ним. Но он подошел к ней, подхватил на руки и уложил на кровать. Встал рядом на колени, протянул руку и просто погладил ладонью по плечу. Потом еще раз. И еще. Он лишь слегка прикасался к коже, ставшей настолько чувствительной, что казалось – она сама, словно намагниченная, тянется к его пальцам, чтобы ощутить эти ласкающие движения. «Интересно! – осенило Настю, – Мои глаза закрыты... а я все равно вижу. Снова уснула?» Она вдруг осознала, что одновременно находится и в теле, и вне его, наблюдая за тем, что происходит, посторонним взглядом. И это окончательно вернуло ее к реальности. Постепенно нарастающий свет, красноватой мглой пробиваясь сквозь веки и заполняя собой сознание, стал отнимать одну за другой детали ночных образов. Они таяли, теряя форму и стекая в тайники души. И лишь легкое сожаление – сожаление от исчезновения того, что только что казалось таким живым и ощутимым с его заботами и желаниями – напоминало о них.

Настя открыла глаза и потянулась, будто выдавливая из себя остатки ночи. Ощутила приятную истому в соскучившихся по движению мышцах. Поднялась и пошла в ванную. Прохладные упругие струи воды вызвали рефлексивный вдох и выдох, окончательно освободив ее от последних следов только что волновавшей жизни. Той. Чтобы окончательно вернуть в эту.

6.

Миновав пять или шесть остановок, Максим вышел. Переключило – подумал, что до музыкального театра можно пройти и пешком. А потом – либо подняться наверх, к площади Республики, либо продолжить путь к Городскому Валю. А уж там и до центрального проспекта рукой подать. Но преодолев пару пролетов общественного транспорта пешком, он передумал. Начинаясь здесь строительство ветки метро удручающе портило внешний вид улицы. А дальше – вся она вообще представляла собой строительную площадку. Старые дома по обеим сторонам сносили, и на их месте рыли котлованы, устанавливали рядом с ними огромные краны, забивали сваи. Он видел все это как-то между прочим. И видел и не видел, потому что сознание через чувства к Людочкиному фортелю, снова оживило в себе образы ночи – с субботы на воскресенье. «Будет ли за этим какое-то продолжение? – периодически обращался к невидимому собеседнику Максим. Он перелопачивал и перелопачивал в памяти отдельные, казавшиеся значимыми, слова и фразы ночной незнакомки, впечатанные в подсознание так, словно высечены были на кусках темных гранитных плит. Вопрос не то чтобы не имел ответа. Просто ответ для интуиции – для ее высшей иррациональной чувствительности – был очевидным. А для низшей – для эмоций – неочевидным и бесформенным. Эмоциям, чтобы пришло понимание, все нужно было сначала пощупать. Руками ли, глазами – все равно. Лишь бы был контакт. А уж потом – после этого ощупывания – можно и рациональный ум подключать. «Одно только «я – Смерть и Возрождение» чего стоит, – подумал, – А эта фраза: «Я пришла не за тобой, я пришла к тебе»? Что она этим хотела сказать? – у Максима, как и тогда – ночью – екнуло сердце, – Не-ет. Не может быть».

Какое-то время он шел совсем потерявшись. Даже не думал ни о чем, так мысль его поразила. Но вдруг в глубинах его бессознательной сути из всего того, из чего он сознательно пытался слепить нечто, что смогло бы удовлетворить страждущий истины ум, возникло озарение. Даже Архимед вспомнился с его «эврикой». «Любовь!?! – Максим даже остановился, – Точно! Вот это она и имела в виду, когда говорила, что она – смерть и возрождение. Любовь – это же слияние душ в одну. Это смерть – пусть на короткое время – эгоистической природы человека, обреченного на этот эгоизм через физическое тело... Вот же оно! – обрадовался, – Вот тебе и продолжение. Разве дошло бы до тебя то, что дошло, не будь этой ночи?» Ликование ума, пришедшее на смену угнетенному состоянию, правда, продержалось недолго. Ровно столько, сколько понадобилось, чтобы увидеть впереди – в сотне метров – остановку и оглянуться – «не идет ли рогатый». Потом пришлось бежать. Успел. Вошел в троллейбус даже не последним. От того, что спуртанул, и от того, что жарко было в салоне, на теле выступила испарина. И пока ехал, пришлось потерпеть.

Минут через пятнадцать Максим с удовольствием покинул транспорт, попав в объятия легкого, освежавшего тело ветерка, и по улице Городской Вал поднялся к центральному проспекту. А там уже повернул налево – в сторону универсама.

Очень хотелось пить. И от усилившегося тепла в мышцах – после того, как пришлось с полкилометра идти вверх по улице, и от допинга в парке: по закону равновесия он уже начинал беспокоить психику тревожными звончками, требуя восстановления химической справедливости. «Перейти на другую сторону – что ли – в тень? – подумал Максим. Но тут же отказал себе в этом – понял бесполезность поступка, потому что открытого типа кафешка, в которой разливали пиво и которую он собирался осчастливить своим появлением, находилась сразу за универсамом, на пересекавшем проспект бульваре. И потому петлять уже не было смысла – оставалось совсем недалеко. Максим уже видел огромные желтые зонты с зеленоватыми логотипами. Видел под крайним из них – за столиком – стриженного наголо человека, сидевшего к нему спиной. И девушку напротив, которая, облокотившись, держала обеими руками стакан с чем-то ярко-желтым у лица и, скептически чему-то улыбалась. Он даже успел заразиться этой улыбкой – машинально воспроизвел ее. Но в какой-то момент, отреагировав, видимо, на движение, перевел взгляд влево...

То, что произошло дальше, в рамки обычного представления о реальности вряд ли могло уложиться. Он испытал настоящий шок, после чего все, чем только что жил, чем занят был его ум, вдруг приобрело совершенно иной смысл. В мгновение ока мир, будто сделав сальто-мортале, стал нереальным. Он превратился в общий едва различимый фон. Пропал проспект с истекавшим испарениями асфальтом и вымощенными искусственным камнем тротуарами. Дома. Деревья. Красивые – подраздетые солнцем – девушки. Исчезло желание выпить пива. Спрятаться в тень. Существование внутри прекратилось. Он весь находился там – в пяти шагах впереди себя. И только одно обстоятельство давало ощущение реальности жизни – возникающая в сознании фраза: «Не может быть». Она пульсировала в нем, болезненно отзываясь в каждой клеточке мозга, пораженного позавчерашним ночным неистовством. Это было настолько неправдоподобно, что вопрос – реально это или нет? – даже не возникал. Возник другой: «Может быть, я умер?» И появилось ощущение, что время стало странным образом замедляться, растягиваться, удлинняя происходившее событие.

За пару дней, которые прошли с того момента, Максим уже начал свыкаться с мыслью, что в бане, скорее всего, заснул от усталости и тепла, что воспоминание – результат очень яркого сновидения. Может быть, даже вещего. Но сегодня? Сейчас? Мысли – одна абсурднее другой вползали в сознание, пока, наконец, его не осенило: «Может быть, я еще и не просыпался? Может, до сих пор сплю?»

Как бы медленно ни пульсировали картинки в разгоряченной голове, перемежаясь с мыслями и оттягивая время, но его ритм все же неумолимо приближал Максима к развязке. А по мере приближения росло и росло удивление.

В какой-то момент он уже четко мог разглядеть детали лица. Видел след улыбки в глазах девушки от каких-то приятных размышлений. Те же, словно чуть припухшие, губы. Ту самую, едва заметную, родинку над верхней губой. Все – один в один – повторяло волновавший тело ночной образ. Только днем. При ярком солнечном свете.

«Галлюцинация? – мелькнуло в сознании, – Или все же сон? А может... – его даже внутренне передернуло от догадки, – Может, это проделки дьявола? Кто эта девушка? Настоящая ли она?» Вопросы следовали за вопросами, не дожидаясь ответов. Да и разве они могли быть – эти ответы? Разве можно было утвердительно что-то сказать? Вся внутренняя суть Максима, потеряв точку опоры в реальном мире, сама стала одним большим вопросом.

Пропустив прошедшую в шаге от него девушку, он развернулся и, как сомнамбула, пошел за ней, не соображая, что делает. Его увлекло, затянуло в омут не осознаваемых рассудком событий. Одно было ясно, как божий день – чувства к этому прекрасному существу были совсем не такие, какие испытывал к женщинам вообще. Что-то было еще. Что-то, что не осознавалось, но имело непреодолимую власть. Это и пугало, и щемящим восторгом отзывалось в сердце. Сознание, пораженное увиденным чудом, ловило нюансы каждого движения. И изящных рук, с ладонями почти параллельно земле, которые балансировали в такт походке, забегая назад, будто девушка кого-то невидимого рядом поглаживала. И тонкой талии, раскачивавшейся – чуть вправо, чуть влево – в противовес бедрам, вытанцовывавшим свой дивный для глаз танец. И выточенных из самого совершенства ног в облегающих джинсах, плавно и в то же время пружинисто опережавших на невидимой линии одна другую. В его неосознаваемом понимании красоты женского тела – в эталоне, сформированном поколениями предков, передавших ему свою кровь, ее фигурка виделась шедевром. Он без задней мысли, эстетически наслаждался ею, разглядывая гармоничное сочетание упругих форм и подспудно чувствуя, что все это сотворено именно для него. Он улавливал какую-то связь, объединявшую эту юную женщину с его внутренним миром. Понимал ее всем своим существом. Словно что-то проснулось в нем. Что-то, соединившее прошлое, настоящее и будущее. Что-то доселе неведомое и в то же самое время такое знакомое. Понимал, что совершенно не знает ее. И одновременно видел в ней такое родное и близкое существо: такое свое – до ноющей боли в груди.

Захотелось догнать девушку – обнять эти хрупкие плечики, на которые ниспадали красивые русые волосы с благородным пепельным оттенком. Но он продолжал идти, словно замороженный, боясь даже дыханием потревожить идиллию соприкосновения противоположных чувств, возникшую в душе. Появилось ощущение, что, если вдруг каким-то образом эту идиллию нарушить, она растает и больше уже никогда не вернется.

Так и случилось. Девушка оглянулась. И, видимо, заметив или почувствовав его преследование, прибавила шагу.

На перекрестке – у светофора, Максим подошел к ней почти вплотную. Шлейф парфюма, подчеркнувшего запах ее тела, разгоряченного солнцем и ходьбой, вконец выбил из колеи. И возникшее только что желание подойти, мгновенно улетучилось. Он просто струсил. Вот так позорно отказался от принятого решения, заменив другим – просто идти за ней следом. Будь что будет. Он сделает это чуть позже. Подловит какое-нибудь мгновение, чтобы все произошло непосредственно – естественно. В голову полезли глупейшие мысли. Может быть, кто-то к ней станет приставать, и он ее защитит. А может, не даст опрометчиво перейти на красный свет. Он даже начал внимательно присматриваться к деталям ее одежды, чтобы обнаружить что-то не то в них, и таким образом начать разговор. Но все было тем, чем нужно. Светло-голубые джинсы безупречно обтягивали упругие бедра и стройные ножки – ни одной лишней складочки. Укороченная снизу блузка открывала полоску загоревшей спины. На блузке тоже

ничего. Сумочка не расстегнута. Волосы в порядке. «Я схожу с ума» – подумал Максим, отводя взгляд. Для него никогда не представляло проблемы уличное знакомство с девушками. Это было проще пареной репы. Он даже не задумывался. Слова приходили сами по себе, опережая здравый смысл. В процессе. А тут – на тебе.

Так они прошли до самой площади. Повернули налево. Миновали подземный переход и, пройдя мимо здания администрации города, подошли к главному корпусу университета. К этому времени дистанция между ними увеличилась, потому что Максим заметил – девушка нервничает. Впервые стало неудобно, что наблюдает за кем-то. Раньше он это делал бесцеремонно. Даже бравировал, когда его внимание замечали, давая понять, что в восторге. В основном, женщинам, когда те оборачивались, уловив его взгляд, видел, даже нравилась такая реакция. А сейчас он как будто наблюдал за собой со стороны, оценивая собственное поведение глазами постороннего человека. Ее глазами. И что-то в нем говорило, что это нехорошо. Некрасиво.

Огромная университетская дверь пропустила незнакомку и медленно вернулась на место, оставив Максима в раздумье – идти ли дальше.

Не пошел. Ругая себя за малодушие, а точнее за трусость, как речитатив повторял, что теперь знает где ее искать, несмотря на аргументы внутреннего оппонента, приводившего массу всяких разных «но». Наконец, напуганный инстинкт самосохранения нашел лазейку: «А, может, это и к лучшему после того, что было?» Малодушие победило. Его аргументы – пусть витиеватые и пораженческие – принесли облегчение. «Значит так надо! – подумал, – Судьба, значит. Может, это интуиция не позволила мне втянуть себя в какую-нибудь авантюру? Может, это перевернуло бы всю мою жизнь, вывернуло бы ее наизнанку? Кто знает – как и что могло случиться познакомиться я с ней?» Он вдруг вспомнил чувства той ночи, и по спине пробежали мурашки от мысли о чертовщине. «Вот видишь! – констатировала осмотрительность, – Не зря все это».

Чувства, как и мысли, стала растаскивать по разным углам диалектика. Хотя чувство, скорее, было одно. Просто оно разделилось само в себе и двойственностью начало вносить в сознание смуту. Сначала пришло облегчение, что, даже если и упустил что-то, то, скорей, не судьбоносное. Потом сердце наполнилось шемящей тоской утраты, перекликавшейся с той самой – возникшей злополучным воскресным утром следующего дня. Эти состояния, не способные властвовать друг над другом, нейтрализуя свои противоположности, еще пару минут настойчиво растаскивали душу в разные стороны. Потом, вдруг утратив силу в бесполезной борьбе, почти успокоились, превратившись в ощущение незавершенности. Максим обреченно вздохнул, повернулся на сто восемьдесят и пошел назад.

7.

Он долго слонялся по улицам, особо не задумываясь, где находится и, что делает. Мысль, что в его жизни что-то произошло серьезное в связи со случившимися событиями, отягочала сознание, не давая ни одного шанса освободиться от себя. Несовершенный мозг пытался сплести логическую цепочку этих и всех предыдущих значимых событий жизни. Каждый раз возникали все новые и новые воспоминания, спонтанно выстраивая свои варианты причинно-следственных отношений прошлого и настоящего. И каждый раз, когда замечал эту спонтанность, будто выныривал из глубокого омута. Возвращался к истокам, делая попытки что-то понять. Но через некоторое время его снова закручивало и затаскивало в плотное, наполовину осознаваемое пространство. И он снова и снова блуждал по лабиринтам непроизвольно ветвившейся мысли.

Запутавшись окончательно, и не сумев прийти к согласию в душе, Максим стал нервничать. Стал вдруг обвинять Руслана, задержавшего его в тот злополучный день своей философской беседой – дурацкими разговорами о потустороннем мире, из-за чего все и началось. Потом спустило колесо. Потом застрял на шиномонтаже. В итоге – поздно приехал домой и

один парился в бане. В сознание ни с того, ни с сего всплыло слово «суккуб». Он стал вспоминать – что же это. Но не смог. И от того еще больше стал нервничать.

Когда завибрировал в кармане телефон, Максим от неожиданности вздрогнул. Достал из кармана трубку. «Руслик... Будь он неладен. Стоило только подумать о нем». Он как будто проснулся. Узнал, что уже почти семь вечера. Что уходящее на покой солнце почти совсем остыло, и угол падения его лучей заметно заострился.

– Да, слушаю тебя... – проговорил, почувствовав остатки недовольства в своей интонации. И за это стало неудобство перед, конечно же, не виноватым ни в чем другом. Как будто тот узнал, о чем он сейчас думал.

– Ну что, Макс? Где тебя носит? Где ты там колесишь?

Максим выругался. Он, наконец, вспомнил о машине – о том, что оставил ее около учебного корпуса.

– Руслик, ты где сейчас?

На том конце после паузы, означавшей, видимо, удивление, послышался упрек:

– Ты же знаешь... Ты что – опять не помнишь? Я думал, раз тебя в общаге нет...

– Слушай, не обижайся. Я помню. Делай что хочешь, но мне нужна твоя помощь... хватит вам уже кувыркаться там. Надо тачку от универа к общаге перегнать.

– Да ты что? Мы же...

– Руслан, я датый. А кроме тебя некому, сам знаешь. Бери свою козу, и подъезжай. Я через полчаса буду – привезу ключи и документы. Успеешь?

В трубке послышалось искаженное имя языческой богини Лады, затем невразумительное, но очень эмоциональное ворчание. И, наконец, короткие гудки, говорившие о том, что Руслан, можно сказать, уже в пути.

С Русланом Ремезовым они познакомились четыре года назад у деканата – по поводу жилья. Руслан тоже оказался не аборигеном. Но места в общежитии ему сразу не обломилось – сначала снимал комнату в частном секторе. А потом из блока, где жил Максим, буквально через месяц после начала занятий выселился Коля Красный – перевелся на заочное отделение по семейным обстоятельствам. Вот тогда-то и пришел к нему Ремезов, вовремя подсуевившийся в деканате по этому поводу.

С тех пор они – друзья. Единственное, что периодически разочаровывает его в Руслане, это слишком уж навязчивое увлечение всякой мистикой. И хоть поначалу подобные разговоры его почти всегда раздражали, в последнее время он стал относиться к ним как-то лояльнее. В беседах с другом вдруг обнаружилось, что и в мистике есть что-то стоящее – что-то, о чем все в сокровенных глубинах своего внутреннего мира всегда знают, но боятся поверить, что это на самом деле так.

Руслан с «козой» опоздали минут на двадцать. Наверно, долго одевались, отчаянно сопротивляясь соблазну остаться под одеялом. Отпустив шутку на этот счет, Максим отдал документы.

– Ты, Руслик, километражом не увлекайся, а то на себе повезешь нас завтра в школу.

– Ну! – усмехнулся тот, – На четвереньках тебя устроит?

– Дерзишь? – Максим хлопнул его по плечу, – Страх потерял?

– А то я первый начал? Спасибо бы сказал...

– Мальчики... – не то попросила, не то возмутилась «коза».

Мальчики разом посмотрели на нее и расхохотались.

– Так я не понял, – Руслан посмотрел на него вопросительно, – А ты? Ты – что – не едешь?

– Нет.

– В клуб намылился?

– Не знаю... Но домой что-то не тянет, – Максим улыбнулся, давая понять, что комната все еще в их распоряжении.

– Ну ладно, – улыбнулся в ответ и Руслан, – Давай тогда. На созвоне.

И они уехали. А у Максима в душе – почти сразу же – стали разгораться тлеющие до последнего момента угольки чувств. И с их подачи не замедлила активизироваться память. «Черт! – Максим вдруг вспомнил, что собирался спросить, что такое «суккуб». Хотел позвонить. Но передумал, – Потом».

8.

Настя почти проснулась. Но еще не совсем. Захотелось поваляться после того, как отключила звонок в телефоне. И она позволила себе минут пять. Потом тщательно стала делать «потягушечки», прислушиваясь к мышцам.

Все утро, пока приводила себя в порядок, пока завтракала и собиралась на занятия, и потом – по дороге – ее преследовало странное чувство. Сегодня – особенный день. Сегодня что-то должно произойти. Что-то знаменательное. И, судя по состоянию души, хорошее.

Две первые лекции ужасно долго тянулись. Слишком хотелось, чтобы они поскорее закончились. Настя хотела попасть в центральный универмаг – закончился «очень необходимый» бальзам для волос. А в ближайших магазинчиках, когда вчера заходила, его не оказалось.

И последней пары, как по заказу, не случилось.

Уже на обратном пути, буквально только она вышла из магазина, затылком вдруг уловила тревогу. Неприятное чувство стало расти, пока не трансформировалось в понимание, что за ней кто-то наблюдает. Она сразу же машинально оглянулась, но никого, кто бы явно на нее пялился, не увидела. Догадалась, что, скорее всего не успела перехватить взгляд. И в следующий раз не стала так оборачиваться. Медленно повернув голову, сделала вид, что смотрит на себя в стекло одной из витрин. Краем глаза уловила в нескольких шагах сзади парня. Он явно шел за ней: по крайней мере, так показалось. Видимо, когда Настя резко оглядывалась в первый раз, он успел опустить глаза. Поэтому и не удалось его вычислить. «Что ему надо?» – она повернулась и посмотрела на него. И он, видимо, чтобы показать отсутствие интереса, отвел глаза. И все же Насте удалось рассмотреть их. Они были красивыми, и несмотря на безумное выражение, кого-то ей напоминали. Кого-то знакомого. Что-то в них было такое, что эхом отразилось в памяти. А по коже плеча при этом словно бы пробежала волна тепла – сверху вниз. «Во сне?» – она засомневалась – его ли видела. Но это продолжалось недолго. Каких-нибудь несколько секунд – не более того. Потому что странное выражение затмило собой все остальное. В районе затылка словно бы холодком повеяло. «О, боже! – испугалась Настя, – Только этого мне не хватало...» – она стала успокаивать себя тем, что сейчас день и, что народу вокруг полно. Но все-таки было не по себе. «А что – в толпе не убивают?» – вошел в противоречие с разумом страх. Захотелось рвануть вперед, и бежать, не оглядываясь. Бежать и бежать. А когда пришлось ждать зеленого света на переходе, она впервые поняла, что именно затылок и спина – они органы шестого чувства. Спина словно онемела и беззвучно кричала о надвигающейся сзади опасности. «А вдруг и вправду ненормальный?» – ей даже показалось, что слышит прерывистое дыхание.

Но чувства, вдруг перегорев, вместо того, чтобы поднять планку страха, опустили ее. И как результат пришло понимание абсурдности того, что с ней происходит. «Да я сама... ненормальная. Надо же быть такой идиоткой...», – мысль как-то успокоила. Но, правда, не совсем.

Парень неотступно следовал за ней, и Настя ускорила шаги. «Если бы этот ненормальный приставал с какой-нибудь чепухой, типа «девушка, давайте познакомимся», или еще как-нибудь, можно было бы от него и отмахнуться. А этот... с безумными глазами... идет себе и идет... – она снова оглянулась, – И не отстает... – хотела добавить «гад», но не смогла почему-то. Снова оглянулась, – Все-таки немного отстал». Даже облегчение почувствовала. Словно

свалилось что-то со спины. «А он даже ничего. Симпатичный. И глаза у него красивые... хоть и безумные, – не удержалась от прежнего комментария, – Может, мне показалось, что идет за мной? И глаза, может, безумными от идиотского страха привиделись? Вроде, нормальные, – она вдруг удивилась пришедшему неожиданно вопросу, – А ведь и правда – чего я испугалась? Откуда такой страх?»

На всякий случай все же решила забежать в университет: «Оттуда посмотрю, как будет проходить мимо... А может, сюда зайдет? Может, он здесь учится?» Настя вбежала в главный корпус и не стала далеко отходить. Знала – через стекло увидеть ее с освещенной солнцем улицы нереально. Она расстегнула сумочку и, запустив в нее руку, сделала вид, что ищет что-то. И вдруг ее осенило: она втянулась в какую-то игру – она уже играла. Страх прошел. Его сменило любопытство. Увидела, как парень подошел, постоял, поглядывая на двери, но войти – почему-то не решился. Повернулся и ушел обратной дорогой. «Значит, за мной, все-таки, шел» – подумала. И усмехнулась, почувствовав в себе что-то кроме любопытства и неудовлетворенности, которое с удивлением отметила. Что-то не вполне пристойное, взывавшее к совестливости. «Что это?» – спонтанно возник вопрос, и почти сразу же пришло понимание. Это было ощущение превосходства. В глазах парня, когда тот стоял у дверей, ее интуиция уловила робость? «Но даже если так – это было лишь мгновение, – стала оправдываться перед собой Настя, откровенно отбрасывая случившегося, – И дело здесь не в его робости... и не в моем превосходстве...» Она задумалась. «В глазах... в самих глазах, – взяло инициативу на себя сердце, – В них... что-то близкое...» Она снова подумала, что знает их – эти глаза. Откуда – непонятно. Потому что, кроме как во сне, точно никогда не видела раньше. Но и то, что знает, не вызывало никаких сомнений. Где-то в глубине души шевельнулось сожаление о несостоявшемся знакомстве.

– Ну... Вот и все, – заключила, вздохнув. И пошла к выходу.

9.

Дня через три мысли, связанные с последними событиями, заметно потускнели. Оставалось только тоскливое чувство, что все могло бы сложиться по-другому, подожди он к девушке. О самом факте несостоявшегося знакомства не жалел. Что-то подсказывало, что встреча обязательно состоится. Дело было в другом. Он жалел, что спасовал перед испытанием, посланным судьбой. А то, что это судьбоносное событие, теперь не сомневался нисколько. Поэтому и не переживал о результате. Знал – будет еще шанс. И от этих выводов, от этого жутковатого спокойствия становилось как-то не по себе. В канву размышлений вновь начинали вплетаться мистические чувства. «Если это роковое событие, – рассуждал, – если все предопределено, то, судя по тому, что говорила... та, – не нашел другого слова, – радости мне от такой встречи все равно не видеть, как собственных ушей». Связь ночной гостьи и живого человека, совершенно такого же, как в пророческом видении банного полумрака, пестовала любопытство, замешанное на чем-то запретном, а, значит, опасном и увлекательном. Интуиция, услужливо подсунувшая странное слово, услышанное, скорее, от Руслана, добавила немало вопросов. И вчера, перед тем как собирались ложиться спать, он снова вспомнил его.

– Суккуб? – Руслан на секунду замолчал. Снял покрывало с кровати и стал его складывать, – Если коротко...

Не то, чтобы ответ напугал, но от услышанного стало не по себе. Ответ не дал полной ясности. Скорее всего, наоборот, запутал, добавив еще большей таинственности. Суккубы, по заявлению Руслана, в демонологии Средних веков считались элементами женского рода. И вызывались они из невидимых сфер человеческой страстью, похотью, вожделением. А проявлялись чаще всего ночью в виде ярких сексуальных переживаний. Но это еще было полбеды. Элементалы, оказались всего лишь духами стихий. Руслан, ссылаясь на какую-то Блаватскую, сказал, что они являются, скорее, силами природы, чем эфирными мужчинами и женщинами.

– Самое отвратительное, – добавил он, заговорив почему-то тише, – что они могут служить элементариям – развоплощенным душам развращенных людей. А эти твари еще при жизни, отделили от себя свой божественный дух. Представляешь – ты видишь человека и думаешь, что это человек, а это лишь его оболочка. Человеческой души там уже нет. Осталась только животная суть. Божественная – та, где пребывает совесть, и проявление которой мы знаем как эмпатию, или, другими словами, сопереживание, ушла... И вот эти... – Руслан не нашел подходящего слова, – развоплощаясь, то есть, умирая уже и телесно, остаются, в терминах западной оккультной мысли, в нижних слоях астрала.

– Получается, что все они из потустороннего мира? – опешил Максим, откинув край одеяла и приподнявшись на локтях.

– А ты что – сомневаешься? – Руслан усмехнулся.

– Да нет... не сомневаюсь. Хотя, по правде говоря, только в последний момент, как ты начал говорить, и перестал, – он замолчал. «Но девушка? – озадачился снова, – Она же из крови и плоти... Когда я стоял у светофора, прямо за ней, вдыхая запах, исходивший от ее кожи... А ладонь? – он почувствовал как мурашки пробежали по позвоночнику, – Теплая живая ладонь из ночного... – сознание услужливо подсуло «кошмара», – Абсурд... Ведь и там все было правдой... Не-ет... это уже перебор». Максим повернулся набок, подтянув под себя ноги. «Как так могло случиться, что странное существо из ночи и прекрасное живое создание, которое растворилось... в дверях главного корпуса, были на одно лицо? – слово «растворилось» неприятно отозвалось в сердце, – Не может ночная гостя быть суккубом! – категорично заявил, словно отвечал кому-то в себе, – Не верю». Максим встал, пошел – выключил свет, и снова лег.

– Спокойной ночи, – услышал приглушенный голос повернувшегося к стене Руслана, – И меньше ты думай об этом – наша психика не готова еще к постижению таких вещей.

– И тебе, – ответил Максим, – А я и не думаю, – солгал он машинально. Так получилось. В словах Руслана, пожелавшего спокойной ночи, исподволь услышал издевку. «Да уж, – проговорил про себя, – Меньше думай... А больше – не хочешь? Заварил в моей душе кашу, а теперь – не думай?» Но, поразмыслив, понял – показалось: не мог Руслан вот так – в наглуую подшутить над ним. Не в его правилах.

Все события перемешались. Их осмысление, затянувшись, не давало ответа ни на один из возникавших при этом вопросов. Да и могли ли быть ответы на них? Разве только предположения? Только разрывающие сердце предположения – примитивные и неправдоподобные, не дававшие ни душевного покоя, ни даже хоть какого-то расслабления. Острота чувств от самих событий постепенно уходила, но ей на смену формировалась навязчивая идея – во что бы то ни стало логически решить задачу, которая логике оказывалась неподвластной. Это даже была не идея, это выбралось из подсознания спрятанное там когда-то простое детское «хочу» любой ценой. В какой-то момент все в голове стало смешиваться, словно краски на палитре. Мысли, превращаясь в образы, стали сначала аморфными, а затем и вовсе расплылись и перетекли через невидимый край, унося с собой в небытие наполнявший их смысл.

Проснулся до будильника. Лежал, нежась в лучах еще совсем по-летнему светившего солнца.

На соседней кровати заворочался Руслан. И память вытащила вчерашнюю беседу. Мысли о суккубах снова завладели сознанием. Только что вызванное солнечным светом умиротворение превратилось во всеобъемлющий вопрос, ответа на который не предвиделось. А, может, его и не могло быть? Ответом, как вдруг показалось, должна стать вся его жизнь. Или, по крайней мере, большая ее часть. «Вот именно!» – в душе появилось и стало расти восторженное состояние. Утренние мысли стали наполняться мажорными аккордами. Они вибрировали в голове трансформированным в музыку солнечным светом, заставляя психику верить в жизнеутверждающие принципы существования. В них не было ночной беспросветности, с ее пес-

символизмом на фоне разыгравшихся до беспредела примитивных страхов умирающего в судорогах бесконечных фантазий вчерашнего дня. «Да! – подтвердил сам себе, – Ответ – это вся моя жизнь. Процесс – вот что в ней самое важное». Он уже нисколько в этом не сомневался. Оставалось только ждать, как будет разворачиваться события.

Пришло грустное ощущение иллюзорности всего, что с ним происходит. «Это игра, – подумал, – И, видимо, от меня тоже зависит – как она будет развиваться... Весело». На душе стало легко и спокойно. Сон, незаметно подкравшись, быстро, без задержки в промежуточной зоне, перенес его размышления в иной частотный диапазон существования. Растворяясь и беспрепятственно перетекая туда всем своим внутренним миром, Максим даже не понял, что с ним произошло.

Пробудился от того, что Руслан в лучах солнечного света мурлыкал знакомую мелодию. «Откуда она? – стал вспоминать. И вдруг дошло: когда подъезжал к дому – в тот вечер, эта мелодия звучала в радиоприемнике. И потом она не выходила из головы весь вечер, даже когда начинал париться, – Рок какой-то». В душу закралось новое ощущение. Еще непонятное, но вселявшее надежду на что-то хорошее, что должно вот-вот случиться. «Точно! Игра!» – вспомнил вдруг, и в душе снова появился восторг.

– Доброе утро, Руслан, – обычное «привет» показалось ему сегодня бестактным. Да и Руслана «Русликом» называть не захотелось. Как-то не в тему. Не в настроение. Жизнь прекрасна. Впереди – то, что назвал игрой: он обязательно встретится сегодня с незнакомкой, обязательно сделает так, что она станет его девушкой. «А там, – заключил, – посмотрим». Все стало казаться легкодостижимым. Все само шло в руки. Утро, которое вечера мудренее, подсказывало, что все возможно в этой жизни. Все будет так, как он захочет.

Занятия прошли, сумбурно переплетаясь с иллюзорностью размышлений. Поздний обед или ранний ужин после прогулки по городу они с Русланом заполучили в пиццерии, отстояв очередь. Ничего из того, что ожидалось сегодня, не произошло. И Максим успокоился почти окончательно, осознав, что не все во власти его предположений, а тем более в его власти. Лишь маленький червячок продолжил шевелиться в душе: события не так скоро развивались, как хотелось. Но это уже не столь важно. Важно то, что ничего, сбивавшего жизнь с обычного ритма, не происходило. А это уже успех. Пусть даже и небольшой.

Вечер наступил быстро. И когда за окном совсем стемнело, они с Русланом вышли в холл своего этажа – с гитарой.

Здесь была хорошая акустика. К тому же – полумрак: свет в этой части коридора выключили. Они сидели и напевали что-то из новых песен, подбирая на ходу аккорды.

Стали подходить девчонки и парни. Гитара кочевала из рук в руки, каждый раз внося новизну в общую картину, складывавшуюся в душе Максима. Но снова и снова он возвращался к ожиданию чего-то хорошего и удивительного, что вот-вот должно произойти.

Чуть позже все стали разбредаться по комнатам. Исчез как-то незаметно и Руслан. В конце концов, остался Максим и две серенькие мышки, на которых никто из парней не обратил внимания. На них, в принципе, никто и никогда не обращал внимания, и на таких посиделках они всегда оставались последними, словно ожидали чуда. Наверное, того самого – хорошего и удивительного, чего ждала сейчас и душа Максима.

Когда он закончил песню, девушки стали просить еще хотя бы одну, словно пытаются продлить иллюзию, продлить чувства, наполнявшие их. Но Максим банально оправдался тем, что устал, и что завтра рано вставать. Он и вправду устал от ожидания чего-то неординарного. От ожидания игры, в которую поверил, и где, казалось, должен был исполнять роль первой скрипки. Но судьба – то ли давала фору, то ли ждала, когда он расслабится, чтобы посмеяться над ним.

Вставив ключ в скважину замка, он попытался повернуть его. Дверь оказалась не запертой. «О! Руслик уже на месте, – Максим миновал темную прихожую блока и вошел, не включая свет, в свою комнату, – Неужели спит?» Уличные фонари и рекламный щит на соседнем магазине создавали в ней полумрак, вполне достаточный, чтобы после света коридора ориентироваться в пространстве. Он прокрался на цыпочках, чтобы не будить товарища, к своей кровати. Поставил, насколько можно аккуратно, гитару к спинке. Обернулся – посмотреть на Руслана: не разбудил ли. Глаза, уже привыкшие к относительной темноте, обнаружили нетронутую кровать. И Максим почти успел возмутиться по поводу незапертой двери, как вдруг по позвоночнику пробежало что-то вроде электрического тока. От темной шторы, уходящей от края окна в угол, беззвучно отделилось что-то темное, напоминавшее все же человека, и даже, скорее, женщину, чем мужчину. «Неужели, опять?» – пронеслось в голове, заставив сначала испугаться, а потом восхититься от мысли, что снова повторится то самое чудо, которого, пережив однажды, уже невозможно было не желать. Но опьянение иллюзорной надеждой оказалось кратким. За ним пришло мгновенное осознание, что это совсем не то, чего ожидал. А за ним – неприятное ощущение неудобства, которое принес с собой испуг.

– Кто здесь? – машинально вырвалось у Максима. После всего, что выпало за последние дни на его долю, он мог ожидать кого угодно.

Когда в просвете окна вырисовалась женская с узкой талией фигура, и послышалось дыхание, он уже был уверен – это человек, а не какая-то мифическая нежить.

– Кто здесь? – повторил спокойно.

– Это я... Юля... Макс, прости, если напугала. Я не хотела... Я думала – ты свет включишь... Не надо, Максим, – она остановила его, взяв за руку, – Не включай теперь... Не надо...

– Ну и что ты здесь делаешь? – его почему-то развеселило ее сбивчивое оправдание, словно организм отыгрывался за пережитое – сначала за страх, а потом и за стыд из-за него. Плюс к тому заявило о себе недвусмысленное присутствие женщины и просыпавшееся при этом осознание себя мужчиной, – Что ты вообще забыла в общежитии, ты же у нас местная? А время-то уже позднее... где-то около двенадцати. Как выбираться – то будешь отсюда через пост?

– Потом, Макс. Все потом, – она цепко обхватила его за шею двумя руками, и впиалась своим ртом в его губы, чуть втянула в себя и отпустила.

Все произошло так неожиданно, что ни ответить ей, ни отвергнуть ее Максим не успел.

– Макс, я полгода уже перед тобой выплясываю. Ты бы хоть раз обратил внимания на меня. Я что – уродина?

Вопрос застал Максима врасплох.

– Ну что ты, Юлечка? – он как будто оправдывался, – Ты очень красивая девочка, но...

Она снова попыталась обнять его.

– Макс? Один раз... И все. Не пойдет – больше приставать не буду.

«Полгода... – подумал он, – Полгода... Это уже идея фикс. Может, она девушка еще? Не мудрено и свихнуться. Этого мне только не хватало».

– Не понял... Ты что – вот так предлагаешь мне переспать с тобой?

Она ответила не сразу. Видимо, обнаженность вопроса оказалась для нее неожиданной.

– А что тебя не устраивает? – Юля, кажется, не понимала его, – Я взрослая девочка и сама за себя отвечаю.

– Нет, я совсем не это имел в виду...

– А что? – в ее вопросе почувствовалось, если не возмущение, то недовольство уж точно, – Может, ты хочешь сказать, что я – шлюха?

– Юль... не перегибай. Ты же видишь – я хорошо к тебе отношусь. И даже больше – ты мне нравишься, и ты меня заводишь. Но я хотел бы расставить все точки...

– Что? Что ты хочешь узнать? – у нее, казалось, начиналась истерика.

– Как бы это сказать... – Максим пощелкал пальцами, думая как сформулировать вопрос.

– Да говори, ты уже как есть, – в ее голосе сквозило нетерпение.

– Ну... Ну, у тебя раньше это было? – выпалил он наконец.

Услышав ее сдержанный смех, Максим понял, что лоханулся.

– А ты думал – на полоумную целку нарвался? Испугался, что женит на себе. Ну, Макс! Ну, поразил! Неужели еще есть порядочные мужики? Не дрейфь, у меня уже дочке три года...

– Ты что...

– Нет, – опередила она его, – Я не замужем. И не была. Так родила – от любимого человека... Слушай, Макс, мы еще долго разговаривать будем? По-моему, время бесед давно вышло, – Юлия прижалась к нему, и стала налегать, толкая в сторону кровати, – Я чувствую... ты уже хочешь меня...

Предпоследняя фраза – «время бесед давно вышло» – всколыхнула память. И в какой-то момент Максиму даже показалось, что его охватывает мощный жар того самого вожделения. Но продлилось это лишь мгновение: вожделение было, но было обычным – не сверхъестественным.

– Подожди, я дверь закрою. Руслан может...

– Не придет Руслан... До самого утра... Я все устроила...

– Ну, сводник! – усмехнулся Максим, покачав головой, – Хоть бы намекнул.

Юлия буквально уронила его на кровать, и стала целовать, но губы ее уже не были той жесткой присоской, они стали мягкими и податливыми, как и сама она.

10.

Уже не один день Настя пребывала под впечатлением произошедшего – нет-нет, да и вспомнятся вдруг эти красивые, и теперь уже, казалось, грустные глаза. Ее порой даже захлестывало чувство вины перед той робостью, которую, скорее всего, она и спровоцировала собой и которую увидела в них. Посмотри она на эту встречу непредвзято – ну шел, ну смотрел, мало ли ее раздевали глазами – на завтра и воспоминаний бы не осталось. Но что-то складывалось не так. Чувство тревоги, возникшее, когда почувствовала взгляд со спины, потеряв прежнюю остроту, все же не покидало ее. Оно стало другим. Преобразовалось. Тревога, как ощущение опасности, исчезла. В ней появились обертоны, привносившие какую-то непонятную со стыдливостью прелесть – тягучую и неотступную. Как тогда – во сне. «Не может быть... – в позвоночнике – внизу спины появилось и исчезло онемение. Настя вдруг отчетливо вспомнила удивившую ее тогда трансформацию лица, возникшую перед ней на несколько мгновений. Забытая почему-то, она отчетливо прорисовалась в памяти, окрасив тревогу новыми ощущениями. И это, скорее, были ощущения неотвратимости чего-то такого, от чего ни убежать и ни спрятаться. И странно – казалось, они должны были вносить хаос, неразбериху в чувства. А этого не было. Мысль, что знала эти глаза всегда, всю свою жизнь, уже проросла в душе. «Что-то близкое, даже родное... – Настя удивилась спонтанно пришедшему откровению, – Мистика какая-то... попробуй не согласиться, что жизнь не одна...» И не то чтобы она верила в подобное. Скорее всего, относилась к подобным утверждениям никак – никогда на подобную тему не задумывалась серьезно. «А ведь почему-то сейчас это вспомнилось...» В сознание стали вкручиваться противоречивые чувства и мысли. Они, словно основа и уток, соединяясь по заданному алгоритму в невидимое полотно, выплетали ткань истинного внутреннего знания. И это приносило уверенность, что тот, кого встретила, не просто знаком, что он близок ей, и что она уже встречалась с ним когда-то. Но в то же время четко осознавала, что в этой своей, еще такой короткой жизни – никогда.

Вдруг заметила, что прошла уже чуть ли не половину проспекта, оказавшись у главных ворот центрального городского парка. «Ну, раз уже здесь, – подумала, – пойду – пройдусь. Погуляю среди сосен».

Она прошла немного по центральной аллее, затем свернула – влево и двинулась дальше по одной из боковых дорожек. Теплый, почти неощутимый ветерок. Силуэты деревьев, заполнявшие прозрачную голубизну выси своими темно-зелеными кронами. Редкие прохожие, прогуливавшиеся в будний день. Все это ненадолго вырвало Настю из цепкого объятия последних размышлений. Она даже обрадовалась, что перестала, хоть на время, думать о встрече. И тут же поняла, что снова оказалась в ее власти. «Почему, – подумала, – мое сознание не воспринимает такое развитие событий однозначно? Может, потому что напугано слишком скорыми изменениями внутреннего состояния? Слишком много чувств появилось, до этого незнакомых? Или потому, что эти чувства не просто появились и ушли, а по-хозяйски заявили свои права на мою душу? – она усмехнулась, ощутив в себе иронию, – Но разве это не счастье?» Ирония привела внутренний мир в состояние мгновенного преобразования.словно яркий свет вспыхнул в нем.

И счастье проникло во все затемненные бессознательностью уголки души. Осветило их солнечными лучами доселе неведомой радости близости – пусть даже виртуальной – с другим человеком, выдавливая страхи, связанные с неопределенностью...

– Насть! – кто-то смеясь окликнул ее, – Ты что, слепая?

«Знакомый голос», – Настя, еще не успев понять – чей, машинально обернулась в ту сторону.

– Ирка?

Чуть в стороне, откуда та шла, на скамейке и около, сидя и стоя, расположилась целая компания ребят и девчонок. В основном – не знакомых. Но две из них – Полина и она – из Настиной группы.

– Настюха, идем к нам, – предложила Ирка с какой-то неадекватной веселостью, – У нас недокомплект... А тут такие мальчишки есть! Смотри! – Ирка повернулась полу боком к компании, чуть шатнувшись и переставив соответственно этому ногу.

Настя машинально подчинилась ее порыву – перевела взгляд. Несколько парней также отреагировали на Иркин возглас – посмотрели на них.

– Да ты, смотрю, совсем счастливая, – улыбнулась Настя скептически.

– А то? – ответила с вызовом Ирка. По ее глазам было видно – подвох, не смотря на состояние, она уловила, – Пойдем... и ты будешь, – попыталась взять Настю под руку. Но Настя чуть отодвинулась, и номер не прошел, отчего Ирке, снова пришлось слегка балансировать.

– Акела промахнулся, – заключила она, теряя улыбку, но все же не отстала, – Пошли. Познакомлю.

– Извини, подруга, но мне пора домой. Только что мать звонила, – соврала Настя, почувствовав подспудно неудобство.

Но «подруга» этого не заметила, потому что мысли ее уже уплыли в центр компании.

– А-а, понятно, – сказала она, махнув рукой, – Не хочешь, как хочешь. Давай, – и абсолютно потеряв к Насте интерес, пошла к скамейке. А Настя, довольная, что так быстро «отмазалась», заторопилась к центральному входу, будто все еще боясь, что ее снова окликнут. Вышла из парка, повернула направо и спустилась в подземный переход, чтобы вернуться домой на метро.

Прохлада метрополитена обдала сильным потоком воздуха во входных дверях. Понадобилось большое усилие – толкнуть дверь от себя. «На себя надо было...» Мысль, словно челнок, вытащила из бессознательной сути понятную ей аналогию. Настя вспомнила, как открывала университетскую дверь, спасаясь бегством. На себя. «И от кого спасалась? От того, о ком вот уже несколько дней, почти не переставая, думаю? Почему так? Почему я думаю о человеке, которого совершенно не знаю. Не знаю, кто он. Не знаю, зачем шел за мной. Каковы были его мотивы, когда дышал мне в спину? Может, бандит какой? А может, что еще хуже, маньяк? Но почему же тогда так беспокойно на сердце совершенно по другой причине?»

В последний вагон садиться не стала. Избегала после того, как однажды услышала от знакомой, что последний вагон может отцепиться от состава. Поверила? Скорее, нет. Но последние вагоны с тех пор по возможности игнорировала. Даже когда опаздывала, старалась войти в предпоследний. Однажды даже своей самой близкой подругой – Оксаной – оказалась уличенной в системном подходе. И та по простоте душевной не только окрестила Настю дурой, а ее фобию бредом сивой кобылы, но еще и поучила. Сказала, что в метрополитене «такая электроника, что враз все покажет на пульте управления». Однако Настя так и не смогла преодолеть порог суеверия – так и не переставала избегать последних вагонов.

На Октябрьской она вышла. Прошла мимо Дома Профсоюзов к собору. Свернула налево. Спустилась по лестнице вниз – к мосту. Еще раз повернула налево – к переходу. Подождала вместе с собиравшейся толпой на светофоре. Миновала церковь. Остановку общественного транспорта. Ступеньки на второй этаж...

Ей вдруг стало казаться, что она – как Единая и Неслиянная Святая Троица, разделившись на ипостаси, все же остается, без сомнения, неким целым образованием. Ее тело, наделенное органами чувств, живет своей подсознательной жизнью, четко реагируя на внутреннее и внешнее пространство. Сознание, наблюдая за ним, меняет спонтанное мышление на медитативное – волевое, когда это необходимо, и снова возвращается к словомешалке, существуя как бы само в себе. Но главным в этом тройственном союзе под именем Настя Захарова, является все же тот, кто наблюдает за сознанием, когда то, в свою очередь, наблюдает за телом. «Наблюдающий за наблюдающим, – улыбнулась Настя, – это и есть мое истинное «я». Но «я» – она вдруг стала серьезной, – это всего лишь часть целого». Ей вдруг стало грустно от своего открытия. Грустно оттого, что теперь уже этого никогда не забыть, потому что в ней что-то вдруг включилось.

Около часа она бродила по торговому центру – от отдела к отделу, от витрины к витрине. Передвигала какие-то блузки на плечиках, кофточки и ветровки. Примеряла шляпки перед зеркалом. Просматривала ценники, отмечая соответствие или несоответствие стоимости и внешнего вида вещей. Потом забрела в обувной отдел, где также немного похозяйничала, продолжая все также думать о странной встрече, отдавшись ностальгии и смакуя отдельные ее моменты. Раздвоение не прекращалось. Удивляло, что стала одновременно находиться и в себе, и во внешнем мире. Не так, как раньше: или – или. Сознание под четким руководством констатировало все. И это поначалу даже забавляло. Потом необычность психики стала восприниматься как должное. Появилась внутренняя уверенность, что просто вспомнила то, что умела раньше. Словно эта возможность проникновения в действительность на какое-то время просто была забыта. А вот сейчас все восстановилось. Пришло откровение, что такому нельзя научиться вдруг. Что-то в ней просыпалось – зарождался невероятный подъем в душе, от чего сердце начинало трепетать восторгом. И все – то новое, что происходило в ней, что приходило на смену первородному страху, одолевавшему от соприкосновения с другим человеком – все переворачивало прежнее представление о жизни. Фонтан чувств, вырвавшийся, наконец, на свободу, но еще не забивший в полную силу, тем не менее, до неузнаваемости изменил все вокруг.

Единственное, что омрачало существование – неопределенность будущей встречи. Сама же встреча казалась неизбежностью. Насте даже не приходило в голову, что ее может не быть.

11.

– Макс, ну... как все прошло? Как Юлька? – Руслан улыбался, довольный проделанной накануне работой – для друга же старался, – Уже, смотрю, слиняла с утра пораньше – подмыться домой полетела? – добавил.

Он был наполовину одет, и, судя по всему, только что умывался и чистил зубы – в руках держал полотенце.

– Руслик, отвали! – Максим сел, нащупав ногами сланцы, – Не хочу после этого даже разговаривать с тобой, – он посмотрел на улыбавшегося друга почти исподлобья, словно собиравшись, если тот скажет хотя бы слово, подняться и съездить ему по довольной физиономии.

– Да чего ты взъелся? – Руслан искренне удивился, – Спасибо бы сказал, – возмутился он, – Для тебя же, идиота, старался...

– Старался он... А ты меня спросил? – перебил Максим, – Мне это нужно?

– Ну... надо же было тебя как-то из твоих заморочек вытаскивать. Пока ты не свихнулся окончательно. Вот я и решил помочь...

– Помог уже, – опять не дал договорить Максим, – Спасибо... И отвали, я сказал. Не хочу с тобой больше разговаривать.

Руслан пробурчал что-то невразумительное и отвернулся. На этом разговор закончился. Максим взял полотенце, выдавил на щетку пасты и пошел в душевую. Минут десять стоял под теплыми струями, наслаждаясь их упругостью, будившей в нем утерянную от общения с товарищем радость. Ощущение недовольства начинало уходить. Но вот парадокс – оно частично стало трансформироваться в чувство вины: «Правда же, старался, – мелькнула мысль, – Сюрприз хотел сделать, а я не оценил... вернее, оценил, но совсем не так». Максим задумался. Стало жалко друга, решившего по своему разумению устроить его жизнь, порадовать, и попавшего под раздачу. «Вот она – разница интересов! – вспомнил одну из их недавних бесед, – Именно она делает из адекватных, казалось бы, людей совершенных придурков». Он закрыл кран и стал обтираться: «Надо извиниться. Нехорошо как-то». Но где-то в глубине сознания почувствовал несогласие с тем, о чем думал. Оказалось – умиротворения в душе, как не было, так и нет. Иллюзия покоя, возникшая под струями воды, ласкавшими кожу, исчезла почти сразу после поворота крана. «А за что извиняться? – словно бы сам по себе, возник вопрос.

Чувство собственного достоинства, дремавшее до сих пор, снова взбунтовалось, – Без тебя тебя женили, – обидно прозвучал в ушах чей-то с издевкой голос, – Да. Поимели тебя, Максик. А, впрочем, ты особо и не сопротивлялся». До него вдруг дошло, что Руслана-то он клеймит за свою собственную слабость. «Тебя что – насильовали? – разозлился он, осознав, наконец, истинную причину своего недовольства, – Сам обделался, а валишь на других?»

Странно, но такой ход мыслей принес облегчение. Из душевой он уже выходил с твердым намерением извиниться перед другом.

– Руслик? – Максим вошел в комнату, вытирая по дороге волосы, – Ты... – возникло ощущение, что говорит в пустоту. Поднял голову. Точно – в комнате никого не оказалось.

Он быстро оделся, схватил рюкзак, замкнул дверь и, сбежав по ступеням вниз, вышел во двор общежития. Огляделся вокруг: Руслана – след простыл. «Обиделся все же... – мелькнула мысль, но вместо угрызений совести, всколыхнулась злость, – Ну, и черт с тобой!»

К машине все же сразу не пошел: подождал – а вдруг объявится. Когда завернул за угол, чтобы выйти к парковке, увидел соседей по блоку: Рыжего – Сашу Деменьтьева и Колю Битова. Они стояли рядом с его машиной и курили: обычно все вчетвером и ездили на занятия. За редким исключением.

– Привет, – Максим подошел и обменялся с ними рукопожатиями, – Ремеза не видели?

– Видели, – Саша посмотрел на него так, словно бы собиравшись спросить о чем-то. Но промолчал. Открыл заднюю дверь и стал щемить свои метр девяносто в салон.

– Вы что – поцапались? – спросил Коля, – Руслик на автобусе укатил. Сказал, что ему куда-то заехать еще надо. И сказал, что на первой паре его не будет.

Руслана не было ни на первой паре, ни на остальных. «С козой своей, наверно, – подумал Максим, садясь в машину, – Хоть бы не в общаге были, – в груди шевельнулось, – Ну вот, – констатировал с неудовольствием по поводу проснувшейся совести, – Опять права качать будем? Ну, а что – не коза? Двух слов связать не может».

Совесть его аргументов не оценила. Наоборот – обострила показатель параметра несоответствия. «Ну, и черт с ним! – подумал, – Как есть, так и есть».

Чутье его не подвело. Дверь была заперта изнутри.

– Макс, это ты? – раздался из-за двери голос Руслана.

– А ты кого ждал? – съязвил Максим.

– Подожди секунду – сейчас открою.

– Ты не один? Может, мне уйти?

– С чего ты решил? – в проеме показался Руслан, – Я же тебя всегда предупреждаю, если что.

– Да... я подумал... мы сегодня утром с тобой как-то так расстались. Ты меня извини, Руслик. Переклинило. Еще вчера, когда узнал, что ты с Юлькой заодно... ну... сам понимаешь... Вроде, как бы сюрприз, но как-то – без меня меня женили. Как в поговорке. Вроде, ты меня, как букетик... раз – и подарил девочке. Вот от этого и переклинило.

– Макс, мне и в голову не могло прийти такое. Если бы во мне хоть на мгновение промелькнуло сомнение? Да я бы ни за что... прости, братан.

– Да ладно. Проехали. Мир?

– Мир.

– А на занятиях чего не был? С Ленкой...

– Ну. Позвонила с утра. А ты как догадался?

– Да у меня с обонянием все в порядке, – засмеялся Максим, – У твоей козы – с чем, с чем, а вот с парфюмом – вкус на уровне... без обид, – добавил на всякий случай.

12.

Прошла еще неделя. Все еще держалось тепло. Только по ночам становилось прохладнее, и это соответственно накладывало отпечаток на утренние часы. Приходилось что-то накидывать на себя, выходя в город.

Настя шла по парковой аллее среди старых, огромных лип, заслонявших собой верхнюю часть оперного театра. Она выбрала одну из тех оставшихся без внимания, забытых почему-то, уже до предела растрескавшихся от времени асфальтных дорожек, с проросшей в трещинах травой. В оперном, и около него – было слышно – кипела работа. Театр реставрировали. Слышался металлический стук, шум каких-то агрегатов, перебранка рабочих. И все это многообразие звуков, просачиваясь меж деревьев, вливалось в единую симфонию городской жизни. Старые липы, повидавшие на своем веку достаточно того, что связано с человеческой деятельностью, спокойно внимали происходившим вокруг них переменам. Их в грязных потеках листья как бы говорили об усталости, а еще о брэнности существования. Так было из года в год. В первой половине лета – расцвет и благоухание. Во второй – после цветения – сладкая липкость, собиравшая на себя всю окрестную пыль и мух. Сердце Насти замирало, когда она смотрела на этих зеленых исполинов в таком, как ей казалось, удрученном состоянии. И старый асфальт, по которому шла, тоже напоминал о чем-то, что уже было и прошло. Смола, скреплявшая когда-то единую массу, за долгие годы выветрилась. И от этого и сама дорожка, и трава в трещинах, и липы, двумя стройными рядами уходившие к просвету в старинном чугунном ограждении парка, вызывали мистические чувства. Что-то необъяснимое росло в ней, расширяясь и переполняя душу. И вдруг в затылке еле ощутимо что-то как будто перещелкнуло. Чувства стали нырять в неестественное состояние, трансформируясь во всеенских масштабов тоску по тем временам, о которых она знала только из фильмов и книг. Это напоминало ностальгию. Но ностальгию по не прожитому. По тому, чего никогда не было и не могло быть в ее таком коротеньком земном существовании. В сердце назревало несравнимое ни с чем переживание. Оно захватывало душу, отражаясь в груди и тоской, и радостью одновременно. Рисовало смутные картины давно прошедшей – такой незнакомой, но почему-

то близкой по ощущениям жизни, выписывая, как акварелист, расплывчатые образы мужчин и женщин – невнятные и размытые. Настя шла и шла по этой, такой длинной – не в одно столетие – аллее, чувствуя благодарность за подаренную жизнью откровение. Осознавала ли она, что все это кристаллизуется вокруг недавней встречи? И причудливое раздвоение сознания. И то, что вдруг стала видеть, до этого не замечаемое. Догадываться – о чем еще недавно даже не мечтала помыслить. Скорее – нет. Пока это были только чувства. Просто снова охватил душу восторг. Пришла эйфория – до слез, до всхлипа, подступившего комом к горлу.

Настя остановилась, чтобы перевести дух, словно только что бежала. «Что со мной?» – стала пульсировать мысль в такт учащенно бьющемуся сердцу. Она встряхнула головой, словно хотела избавиться от гнетущего состояния. И сразу даже не поверила тому, что увидела. Минував ажурно смотревшуюся отсюда ограду парка, по аллее – ей навстречу – двигался тот, кем она последние дни жила. Но почти сразу сработала интуиция. «Нет... не он». Но тут же пришли сомнения. «А вдруг он?» Настя испугалась. Испугалась, что может не узнать его, что он уже может не соответствовать нарисованному в ее сознании образу.

Человек приближался и сомнения росли. Наконец, пришло облегчение, замешанное на разочаровании.

– Не он! – выдохнула шепотом, остановившись. А когда прохожий почти поравнялся с ней, она даже удивилась – как могла прийти ей в голову такая нелепая мысль? Человек совершенно не походил на того, кого она только что со страхом и восторгом ожидала увидеть. Он был лет на десять старше. Черноволосый и с залысинами. И напоминал, скорее, грека или кавказца с неярко выраженными, характерными для них чертами лица. Только глаза оказались светлыми. «Все, – подумала, – Шизофрения».

Прохожий замедлил движение и остановился в двух шагах перед Настей. С удивлением и участием в глазах посмотрел на нее.

– Девушка, с вами все в порядке? – спросил, – Может, вам помощь нужна?

– Спасибо. Нет, – достаточно категорично, даже грубо, как показалось самой, ответила Настя, чтобы избежать дальнейшего разговора, – У меня все в порядке.

Она быстро, не оглядываясь, пошла дальше, несколько мгновений еще испытывая на себе его взгляд и сомневаясь в правильности выбранного чувствами тона. Выйдя из парка, перешла улицу и оказалась перед зданием, где по выходным проводили выставку книг. Сюда, как раз, она и направлялась.

13.

Сон приснился странный. На грани. Странность заключалась в том, что Максим осознавал, что спит. И в то же время не покидало сомнение: каждая деталь в этом состоянии была настоящей. Не так, как во сне, где виртуальность вяжет сказочные кружева. Все виделось реальным. Он даже нагнулся, сильнее натянув ремень висевшего на плече ружья, чтобы не соскользнуло, и провел ладонью по траве. Ощутил ее живую шелковистость. Движения заставили почувствовать неудобство. Оно, именно оно, сосредоточившись внутри – ближе к солнечному сплетению – и вызвав ощущение двойственности, добавило натуральности всему, что окружало. И это же неудобство неприятно напрягло. Максим почувствовал себя и собой, и, казалось, еще кем-то. Появилась мысль, что он – не совсем он: какие-то незнакомые мышечные ощущения сопровождали каждое движение. Словно в чужую одежду влез. Как однажды советовал Руслан, посмотрел внимательно на руки. Это должно было помочь сориентироваться. И снова странность: на них отсутствовали кое-какие детали. Не было на указательном пальце левой руки шрама, оставленного перочинным ножом – еще в детстве. А на правой – не оказалось родинки. Посмотрел налево. Увидел, что стоит вначале деревенской улицы. Довольно широкой. Улица, словно ухоженный газон, поросла короткой зеленой травой. Только середину ее прочертили желтые, с оттенком охры колеи. А метрах в пятидесяти, как раз на этой самой середине, стоит старая груша, раскорячившись ветвями, потрескавшимися от долгой жизни.

Узкие колеи – явно не от автомобильных шин, огибая дерево с обеих сторон, снова встречаются за ней. И, убегая вдаль, соединяются в перспективе в одну линию.

Когда стал оглядываться по сторонам, неудобство чужого тела усилилось. Снова напомнив о себе непривычными ощущениями, оно еще больше усилило любопытство, одолевавшее разум. Максим знал и не знал одновременно, куда направляется. Не знал местности, не узнавал изб, заборов и скамеек с навесами, ворот и небольших окон с резными ставнями, сменявших друг друга с обеих сторон непонятно куда ведущей улицы. Прилив нежности тянул его вперед: там – за той посеревшей от времени высокой, непроницаемой калиткой, его ждали. И он стремился туда, осознавая долгожданную встречу. Только никак не мог вспомнить лица той, с которой его что-то связывало. И что именно – тоже не помнил. Это казалось непонятным и пугающим, хотя и не вызывало сомнений в правильности того, что делал. Лицо постоянно ускользало от сознания. Лишь только появлялся намек, только-только интеллект делал попытку идентифицировать всплывавший образ, как он тут же мерк. Словно играл в догонялки. Подпускал, выворачивался, чтобы не схватили, и отскакивал в сторону, щекоча нервы близостью победы. От постоянного поражения зарождалась в душе горечь. Словно от расставания с близким человеком, когда уже понимаешь, что случилось, но еще не осознаешь – что тебя ждет впереди. И то, и другое, действуя каждое само по себе, растаскивало Максима на две половины. И они – эти половины, взаимодействуя между собой, словно полюса магнитного поля, создавали в сознании и ощущение утраты, глубоко лежавшее в памяти, и ощущение встречи – с кем-то, навсегда, казалось, потерянным. Все это приводило к внутреннему конфликту, придавая происходившим событиям жизненности. Шестым чувством понимал – это возможность что-то изменить в реальном мире. Через изменение отношения к чему-то забытому. Он даже, вопреки попыткам интеллекта, через проснувшуюся интуицию начинал догадываться, кого встретит за незнакомой и такой знакомой калиткой.

По мере приближения к цели стала беспокоить растущая тяжесть во всем теле. И одновременно с этим пришло понимание, что все как-то не так происходит: не то чтобы не соответствует законам физики, а полностью им противоречит. Дорога, шла под уклон – вниз. И движение, казалось, должно становиться более легким. Но почему-то оказывалось наоборот: оно давалось все тяжелее и тяжелее. А еще, по мере продвижения, почти не замечаемый в начале страх, стал усиливаться, затмевая все остальные чувства, отчего Максим не сразу заметил идущую навстречу молодую женщину.

Ее льняная с бережной вышивкой одежда несколько прятала форму тела. Выбеленная солнцем свободно ниспадавшая ткань лишь отдельными штрихами давала пищу уму. И только тесемки фартука, перетягивавшие узкую талию, в какой-то степени подчеркивали фигуру.

Пришло внутреннее озарение. Страх отступил. И сердце, получившее новый импульс, забило быстрее. От неожиданности Максим остановился: навстречу шла та самая девушка – с проспекта. Поравнявшись с ним, она поклонилась.

– Доброго здоровья, Иван Максимильяныч. Вы снова к нам пожаловать изволили?

Голос мелодичный, тембр красивый и нежный – у Максима даже дух перехватило. Туловище, независимо от разума, сотворило полупоклон. Сознание попыталось вытащить из памяти имя девушки. И голову пронзила короткая, но сильная боль. Словно противоборствующие полюса, соединившись на мгновение электрическим разрядом, покончили с двойственностью.

– Здравствуй, Пелагеюшка, – поздоровался и он, снова поразившись тому, что происходит, – Уж, коль дошел до вас, хочу выказать почтение вашей барыне, – сознание вновь разделилось, чтобы присутствовать везде. События стали путаться. Сладострастное существо из бани. Живое ее воплощение на центральном проспекте. И эта деревенская девка в льняных, вручную расшитых одеждах почти с тем же самым лицом. Лишь какие-то почти неуловимые детали отличали их друг от друга. Пришло понимание единой основы, единой сути того, что

предстало в разных точках пространства, и, как теперь показывал опыт, еще и в разное историческое время. Сознание, пульсируя, опять собралось воедино, и он почувствовал облегчение. Понял, что ошибался, что за калиткой его ждал обман – что-то, что должно было запутать, увести от правды. Даже успел подумать, что это могла быть западня, а девушка, вдруг откуда-то появившаяся на пустынной улице, каким-то образом уберегла от беды. Он посмотрел ей в глаза и улыбнулся.

– Какая ты... – мысль не реализовалась, язык не повернулся сказать «красивая». Снова спасовал, как тогда на проспекте.

– Какая такая? – улыбнулась в ответ Пелагея. Но ее улыбка оказалась грустной. И голос чуть задрожал, словно она собиралась заплакать.

Он стоял и смотрел на эту простую крестьянскую девку – умный, образованный – не в силах промолвить ни слова. Будто язык проглотил. Почему-то стало невероятно стыдно перед этим бесхитростным, милым сердцу человечком, замеченным с месяц назад, когда впервые, приехав из Петербурга, охотился и забрел сюда... Максим вдруг опять остро почувствовал раздвоение, почувствовал себя чужим на чужом пиру. Но еще острее ощутил – что именно здесь кроется загадка и понимание того, что будет с ним потом. И чем длиннее становилась пауза, тем сильнее он ощущал неудобство, гнетущее Ивана Максимилиановича.

Полюса сознания, следуя циклу пульсаций, вновь соединились.

– Пелагеюшка, что случилось? Кто обидел тебя?

– Никто, – она опустила глаза, – Просто я с завтрашнего дня должна у барыни – Дарьи Николавны – в покоях работать. Убираться, – Пелагея подняла глаза полные слез и тихо добавила, словно надеясь на что-то, – Страшно мне.

Он слышал, что соседская помещица была крута со своими крепостными – особенно с девками, но большого внимания этому не придавал. А где с крепостными нянчились? Да и слухи слухами, а факты фактами: сам не видел, значит, и не было ничего. Сознание снова разорвало на две части, и прошлое в нем отступило, обнажив то, что Максим знал из учебника истории. Почувствовал собственное бессилие перед навалившейся безысходностью. Захотелось плюнуть на все – забрать девушку и уехать с ней на край света.

– Пелагеюшка, ты готова убежать со мной?

– Я? – она удивленно посмотрела на него и, видимо, не понимая, что говорит, добавила, – А куда?

– Далеко-далеко, Пелагеюшка... – «Батюшка проклянет. Наследства лишит», – зашептал внутри голосок.

Пелагея снова удивленно посмотрела на него, видимо, даже не поняв толком, о чем он говорит, или насколько это может быть правдой. Но машинально, не задумываясь, спросила:

– А как же тятенька, матушка, братья с сестрами? – в ее голосе прозвучало отчаяние, она шмыгнула носом, что больше походило на всхлип, – Изведут же их.

Снова стала возвращаться безысходность, на короткое время спасовавшая перед наивным воодушевлением. И, видимо, благодаря концу очередной нейтрализации двойственности, на Максима вдруг снизошло озарение. Он осознал всей своей внутренней сутью, что совершенно беззащитен перед произволом величественной системы, чья власть простирается на каждый пространственно-временной континуум. На каждый без исключения – будь то атом или молекула, человек или планета, звезда или галактика. Какое-то невероятное отчаяние, извергнувшись из него сгустком последних сил, будто по команде «замри», остановило движение в запредельной реальности. Свет стал меркнуть и, прежде чем он очнулся, погас окончательно.

Пробуждение оказалось мгновенным. Появилось неприятное ощущение – будто позорно сбежал. Оно в свою очередь вызвало сожаление, что он так и не узнает о судьбе Пелагеи – выжила ли она или стала очередной жертвой чьей-то фактически узаконенной бесчеловечно-

сти, произрастающей на почве отсутствия адекватного наказания. Странное и не понятное по своей сути сновидение вытягивало нить размышлений, пустых догадок и попыток осознать происшедшее с ним. И хоть была уверенность, что все, что случилось, сон, все же не умолкало сомнение. Все предыдущие сны, за исключением последнего, и воспринимались как сны. Не было никаких заблуждений по этому поводу. А здесь? Все виделось настолько реальным. Во всех деталях запоминалось. И даже, выходя из, казалось бы, состояния сна, все помнилось четко – до мелочей, которых в жизни он не только не знал, но и представления о них не имел. Откуда попали в сон детали орнамента, увиденные на одежде? Или груша, раскорячившаяся посреди улицы? Максим был уверен – не мог его мозг создать такой рисунок. Не видел он его в своей жизни. А, может, в этой жизни? Неужели, и правда, они существуют – те, другие? Сейчас впору было поверить во что угодно, настолько реалистичным оказалось сновидение. Он задумался. Стал снова перебирать в памяти моменты встречи. Но, наконец, не выдержал. Все! Пора вставать. Откинул одеяло, встал, растолкал безмятежно спавшего на соседней кровати товарища, и пошел в душ, с удовольствием ощущая свои – собственные – мышцы.

– Макс, ты какой-то не такой сегодня, – Руслан посмотрел на него, как показалось, сочувственным взглядом, когда он вернулся из душевой.

– Отстань, Руслик, – Максим отмахнулся. «Что он там увидел на моей физиономии? Я только что смотрелся в зеркало, когда брился. Все же нормально». И тут понял – игра мимических мышц, когда переваривал в себе только что пережитое, выдала его душевные терзания.

– Не, ну ты чего, Макс? – возмутился Руслан, – В зеркало посмотри.

– Ты достал, Руслик, – отмахнулся он снова, – Ну что тебе неймется с утра пораньше? – но к зеркалу все же подошел – к тому, которое висело в комнате.

То, что оказалось незамеченным в душевой при приглушенном свете люминесцентной лампы, было мертвенной бледностью. Необычной. Максиму показалось, что он чуть-чуть даже похудел за ночь, и это отразилось в чертах лица. Они заметно заострились.

– Ну? И что тебя не устраивает? – не стал сдаваться. Но прозвучало это с заметной неуверенностью в голосе.

– Да все. У тебя только что было такое выражение...

– Да ну? – перебил он, почувствовав, что начинает злиться, – Я даже могу сказать какое: будто я обгадился? Смени уже пластинку.

– Да нет, Макс. Я другое хотел сказать, – Руслан как-то неестественно засмеялся, отреагировав на всплеск его чувств, – У тебя такая видуха... только сложенных на груди рук не хватает.

– О-очень смешно, – Максим вдруг почувствовал, как в яремной впадине начинает стучаться обида. Почувствовал его состояние и Руслан.

– Макс, – словно оправдываясь, начал он, – Я же шучу. Если тебе плохо, так ты скажи. Опять хренотень какая-то привиделась?

– Похоже на то... – Максима вдруг отпустило, он вдруг понял, откуда растут ноги его нынешней обиды. Вспомнил, насколько был бестактным – лез не в свое дело, критикуя девушку друга. И сейчас слова Руслана его подсознание интерпретировало как месть, – Ладно, Руслик... ты тоже хорош – лезешь в душу.

– Ну, извини, Макс. Захочешь поделиться, я...

14.

– Доченька, ты уже проснулась? – мама заглянула в комнату, видимо инстинктивно уловив какие-то изменения в состоянии Насти, почувствовав, что та уже не спит, – Что тебе сделать на завтрак? Кофе или какао? Или чай, может быть?

Настя машинально задумалась, хотя завтракать еще не собиралась, хотела сначала привести себя в порядок. И даже, наверно, принять ванну. Не душ, как в будние дни. Полежать, понежиться. Продлить пассивное удовольствие от воскресной утренней бездеятельности.

– Спасибо, мамочка, я пока ничего не хочу. Я потом, после ванны, – она отбросила край одеяла, и с наслаждением стала потягиваться, прислушиваясь к тому, чего хотели мышцы.

Подготовив ванну, открыла и отрегулировала воду. Пошла в свою комнату. Собрала постель. Сложила диван. Все это время она разговаривала с матерью. В основном отвечала на вопросы. Что-то спрашивала и сама. Так – ничего особенного: обычные разговоры матери с взрослым ребенком. Наконец, сбросив халатик, влезла в довольно горячую воду. Аж дух захватило. Тепло активно стало проникать в клетки кожи, и дальше, в мышцы, приятно расслабляя их, делая более эластичными. Настя чувствовала, как активизируются все силы организма. Как сильнее становится сердце, качающее кровь. Подумала, что сейчас каждая клеточка живет в ее теле своей неповторимой жизнью – берет то, что ей приносит кровь, и отдает ненужное. Она даже попыталась представить длинный и трудный путь, которым кровь, принимая и отдавая, умирая и возрождаясь, пульсирует по сосудам, циклически возвращаясь в исходную точку, чтобы вновь и вновь выполнять свою трудную и благородную работу.

– Настюша, ты сегодня ничего не планировала на вечер? – мама неожиданно появилась за распахнувшейся дверью.

– Мама! – Настя встрепенулась, – Ты же меня зайкой сделаешь.

– Ой... прости, моя дорогая! – на лице матери проступила нежность, – Доченька, ты у меня такая красавица.

Настя хотела – первое, что пришло в голову – сделать матери замечание, за то, что та без стука врывается в ванную. Но, увидев умиленное лицо, посчитала грехом прерывать материнское счастье. Она тонко чувствовала окружающих, и старалась по возможности не делать им плохо, даже тогда, когда ее интересы при этом страдали.

– Мам, а ты что-то хотела?

– Я? А-а... – вспомнила та, зачем пришла, – Да у нас сегодня гости намечаются. Вот я и подумала: может, ты испекла бы чего?

Мама не любила заниматься, как она говорила, тортиками. Но ей очень нравилось, когда это делала Настя. Доставляло удовольствие похвалить ее при гостях – погордиться своим чадом. В противном случае, если Настя по каким-то причинам отказывалась творить свои кулинарные изыски, обед или ужин заканчивался затрапезными шедеврами хлебозаводов – тортами типа «Киевского», «Ленинградского» или, на худой конец, «Птичьего молока».

– А кто к нам придет? – любопытствовала Настя, – Судя по тому, как преподносишь, кто-то незнакомый?

– Для тебя – да. Это моя сестра, если можно так сказать, в четвертом колене. Мы как-то в юности пытались выяснить свое родство. Но у нас не хватило информации о предках. Те, кто мог бы хоть что-то прояснить, поумирали. Да и раньше, когда живы были, туманно отвечали. Революция, две войны, детдома, эмиграции. Все настолько перепуталось, что диву даешься, неужели такое вообще могло быть?

– Так она, судя по всему, живет не здесь, раз я до сих пор ее не видела?

– Как сейчас говорят, в Украине. В Киеве. Позвонила, что будет проездом. Они семьей едут в Питер... Брата хоть увидишь своего... пятиюродного, – усмехнулась мать.

– Седьмая вода на киселе? – засмеялась Настя. Однако любопытство, связанное пусть даже и с дальними родственниками ею завладело. «Зов крови», – улыбнулась, – Мам, но это ж такие родственники... что и не родственники вовсе. А что связывает вас?

– Мы, доча, все детство вместе, – мама прислонила голову к наличнику, – Мы – больше подруги детства и юности, чем родственники, – в ее голосе появилась теплота.

– Так это, может, та Светка, о которой ты рассказывала?

– Ну да. А получается – она еще и твоя тетка.

– Мутная какая-то тетя получается, – с сарказмом заметила Настя, – Но почему ты раньше не говорила, что она тебе родственница?

– Да мне казалось – говорила. Папа знает. Я думала и ты знаешь. Может, ты слышала это в детстве, и попросту забыла, – высказала она свою догадку.

– Может? – пожала плечами Настя. В ее сознании уже роились вопросы, связанные с приездом гостей. Но один интересовал больше остальных, – А сколько моему братцу лет?

– Ему? – мама сделала паузу, – По-моему, где-то – не то двадцать два, не то двадцать три. Он – то ли, в прошлом году, то ли в позапрошлом – окончил Киевский университет. Кстати, он, как и ты, психолог...

– Мам, я еще далеко не психолог, – перебила Настя, – мне еще три года учиться, – она всегда смущалась, когда мать в этом плане опережала события. Это, скорее всего, происходило от того, что ею были поставлены такие сверхзадачи в изучении психологии, что нынешние знания оказывались каплей в океане. Тем более, когда познания внутренних дисциплин увеличивались, увеличивалась и поставленная задача. Она разрасталась по мере того, как отодвигались горизонты непознанного. Настя уже постигла одну из прописных, но главных истин жизни: чем больше знаний, тем больше вокруг них неизвестного, и в этом – величайшее чудо для осознающего себя живого существа.

Приезд новых для нее родственников стал и рядовым событием, и чем-то взволновал. Волнение, как бы перекликаясь с тем – другим, напомнило о недавней встрече. Снова пришли воспоминания. Горячая вода помогла отрешиться от реальности, погрузиться в мечты.

Пауза, которая возникла после разговора с матерью, вряд ли была длительной. Вода еще оставалась горячей, когда Настю к действительности вернул телефон. Очнувшись от противного жужжания вибровонка, усиленного пустотами раковины, чувства не то чтобы возмутились, но неудовольствие из неожиданного пассажа продемонстрировали. Так не хотелось шевелиться, но состояние транса улетучилось, а отвратительное жужжание не умолкало. Настя стянула полотенце, висевшее рядом, вытерла руку и взяла трубку. «Кулагина? Что ей надо?»

– Да, Тань. Слушаю тебя.

– Привет! – звонкий голос подруги, как всегда поначалу, оглушил неумеренной громкостью, – Ты где?

– Привет. В ванне лежу. Пока ты не заорала мне в ухо, наслаждалась выходным.

– Извини, ты же знаешь...

– Знаю, проехали.

– Так, может, сходим куда? – в голосе Татьяны прозвучала неуверенность. Будто она уже передумала, потому что ждать, пока подруга будет собираться, не входило в ее планы, а поинтересовалась машинально – по инерции.

– Нет, Танька, не сегодня. К нам родственники приезжают. Мама попросила помочь. Да и мне, честно говоря, любопытно самой. Представляешь, у меня братик объявился.

– Да ты что?! – в голосе подруги появился живой интерес, – Откуда? – и не дожидаясь ответа, она вкрадчиво добавила, – А сколько ему лет?

– Он из Киева. Мама сказала – то ли двадцать два, то ли двадцать три.

– А он кто? – продолжала сыпать вопросами Танька. Чувствовалось, что тема ее затронула крепко, и она не отстанет еще долго.

– Мой коллега, – улыбнулась такой ретивости Настя, – Только он уже закончил.

– Ой, Настен, а можно я к вам приду? – закапризничала Танька, – Я пораньше... – осенило ее, – чего-нибудь помочь по-хозяйству.

– Не знаю, Танюха, – в голосе Насти появились насмешливые нотки, – Может, не совсем удобно?

– Ну, Настюша, ну, Настюша... – Танька начинала уже причитать.

– Ладно, – засмеялась Настя, – вижу: не отстанешь. Поговорю с мамой. Я тебе перезвоню, – она положила телефон и задумалась: «А, может, и вправду... с Танькой легче будет общаться на первых порах. А то вдруг братишка букой окажется? А эта бестия любого разговорит». Она облокотилась о край ванны и толкнула дверь.

– Ма!?

– Что? – откликнулась та.

– Я Таньку Кулагину приглашу... ты не против?

Мать появилась в дверях.

– Танюшку? Ну, пригласи... конечно, – улыбнулась, – Она же – можно сказать, член семьи.

– Хорошо, – согласилась Настя, будто не она этого хотела, – Мам, прикрой мою дверь.

Последние слова матери всколыхнули память. У мамы с «Танюшкой» на протяжении многих лет сложились особые отношения. В детстве Таня днями пропадала в их квартире. Лет, наверное, с четырех-пяти. Семья Кулагиных считалась не совсем благополучной. Отец, хоть и вел тихий образ жизни, пил беспросветно, пока от этого и не загнулся. А потому в своем доме был человеком бесполезным, если не сказать – обузой, создавая собственным существованием невыносимые условия для домочадцев, провоцируя скандалы. Видимо, поэтому Танюшка и тянулась к семейному теплу Захаровых. Ну а Татьяна Васильевна жалела ее, благоволила девочке. Говорила в шутку, что она – член их семьи. Последнее время, повзрослев, «Танюшка» уже не позволяла себе прежних вольностей, как раньше. Но теплые отношения между ней и Татьяной Васильевной остались прежними. «Надо же, – подумала Настя, – Как будто вчера все было». Она освободила от пробки сливное отверстие. Встала. Обмоталась полотенцем, закрепив его над грудью. И, вытерев ступни, прошла в свою комнату.

Время до приезда гостей пролетело незаметно. Настя бегала в магазин – два раза, потому что первый раз не купила соду – просто не подумала. А вернее, надеялась, что она в доме есть, и матери не позвонила – не спросила. Прилетала Танька – предлагала помощь. И мама ее куда-то отправила. Настя сначала спросила – куда, но та не ответила – была, видимо, на балконе. А потом забыла переспросить – закрутилась. Звонил отец. И мама, глядя на Настюшу, говорила, что за ним – только спиртное. Под этим подразумевалось, что торт не нужен. Потом была частичная сервировка стола. И наконец – занятие собой. Подготовка волос много времени не заняла. Да и все остальное тоже. Настя решила выглядеть буднично: праздника ведь никакого нет.

Пришла Танька, расфуфыренная донельзя – с перекрашенными до вульгарности глазами. На гримасу Насти со смехом жеманно ответила:

– Для братика старалась.

«Ну и черт с тобой, – подумала Настя, – тебе же хуже». Татьяна же Васильевна, никогда к ней строго не относившаяся, произнесла свою дежурную фразу – «красавица моя». Тем и определила свое отношение к Танькиной внешности. Наконец, пришел отец. Принес, как он сказал, и для девочек и для мальчиков. И почти тут же подал голос мамин телефон.

– Минут через десять должны быть, – торжественно сообщила она, – Звонили из такси.

И вот над входной дверью раздался металлический голос соловья. Папа с мамой – оба пошли встречать гостей.

15.

Терпеть не мог девушку Руслана. И чем дальше, тем больше. Иначе, как козой, за глаза не называл. И при Руслане позволял себе такую вольность. А при встрече с ней самой не называл никак. И почти не разговаривал. Впрочем, Лена от него тоже не отставала. Язвительность ее междометий всегда достигала цели. Это было видно по дьявольским улыбкам, когда Максим не успевал сделать, как говорят, хорошую мину при плохой игре. И, естественно, долго

оставаться в обществе друг друга оба не могли. А потому находили причины не видеться в зависимости от предлагаемых условиями жизни обстоятельств. «Удивительно – думал Максим – как при подобных между мной и ею взаимоотношениях мы с Русланом до сих пор еще умудряемся оставаться друзьями? При таком-то раскладе». А влияние Ленки на Руслана – это тема отдельная. Он, если говорить образно, около нее – кролик около удава. Максим первое время удивлялся: как могло случиться, что такой умный – из интеллигентной семьи – молодой, прекрасно ориентировавшийся в потоке жизни человек мог подпасть под влияние такой пустоголовой особы? Но со временем, наблюдая за другом, понял: у того слабый социальный иммунитет. По отношению к агрессии он оказывался сильным и стойким. А вот экспансии не чувствовал. В его душу только нахрапом не могло войти что-то без его ведома. Вползти же тихой сапой – запросто. А плюс ко всему – экспансия исходила со стороны довольно красивой женщины. «Вот уж поистине, как форма может не соответствовать содержанию, – мысль, словно челнок, нырнула в память и принесла оттуда аналогию, – Точно. Как цветы некоторых кактусов. Смотришь издали – душа в восторге. Но, не дай бог, приблизиться к ним и ощутить запах – то зловоние, которое они источают». Максим вспомнил, как одно время увлекся анализом такой диалектики. Стал наблюдать за Ленкой. Хотелось понять – чем же это она взяла Руслана. Может, есть нечто такое, на что он не обратил внимания? Может, что-то пропустил из-за своей неосознанной до конца антипатии? Правда, хватило его ненадолго. И единственным, что он вынес при более детальном рассмотрении, оказалось то, что Ленка вовсе даже не монстр, каким показалась изначально. Но все же, как говорится, чувствам не прикажешь. Участие ее в судьбе друга не то чтобы раздражало его, а все же слегка корбило. Эта девочка – он так видел – сидела у друга на плечах, погоняя невзначай. По отношению к окружавшему ее миру она была груба и казалась невоспитанной, инстинктивно, видимо, защищая себя, а, значит, и все то, что считала своим. С Русланом же вела себя, как самка, знавшая свое место и исподволь, всегда вовремя пользовавшаяся своим влиянием.

И, конечно же, Максим молчал не всегда. Как-то вечером, когда Руслан рассказывал ему анекдот, сознание вытасило из памяти загадку. И тут же пришло осмысление ее сквозь призму волновавших отношений. А точнее, через призму мужской солидарности, когда друга надо спасти любой ценой.

– Руслик, а ты слышал, чем отличается мужик от мужчины?

– Не помню. Может, и слышал? – он выжидающе взглянул на Максима, – Давай, уже – не томи. Чем?

– От мужика воняет мужиком. А от мужчины пахнет...

– А-а, точно... – вспомнил Руслан, – женщинами. Слышал когда-то. Ну, и к чему все это?

По глазам же твоим подлым вижу: без подвоха, ну, никак не обойдется.

– Конечно. А ты как думал? Не хочу, чтобы из моего друга сделали абы что. Я тебе так скажу, и это опыт поколений: если мужик возле дамы еще может, если постарается, стать мужчиной... под большим вопросом, конечно. То баба около мужчины... дамой – никогда. Она, скорее, его сделает мужиком. Жизнь – это тебе не интерпретации Бернарда Шоу на тему античных героев. Да и обстоятельства там были совсем иные.

– У тебя все, остряк-самоучка? – улыбнулся Руслан. Он уже не обижался. Привык к нестыковке друга и подруги. Да и разговаривали друзья между собой обычно грубовато. Конечно, все делалось нарочито, с улыбкой. Так легче было говорить правду в лицо – стиль шута при королевской особе. Общались, хоть грубовато, но по-доброму. Как-то, еще в начале их пикировок на эту тему, когда Руслан только начинал с Ленкой, был такой разговор. Они так же, как и сейчас – в такой же манере перемывали друг другу косточки.

– Руслик, ну о чем ты можешь с ней разговаривать? – спросил Максим, подловив удобный момент, – Ну о чем – скажи?

– А тебе дело? – отмахнулся тот, – Да обо всем, о чем хочешь. Это она при тебе такая... Ты же ее одним своим видом зашугал. Она без тебя – нормальная. Как все.

– Вот именно. Как все. А ты знаешь, что среднестатистический человек, еще и не человек вовсе. Это заготовка. Кандидат в человеки, с которым поговорить можно только о хлебе насущном. Все его потуги жизненные ограничиваются идеей выживания. И притом любой ценой.

– Макс! Остановись. Ты уже бредить начинаешь...

– А что – я не прав? – перебил Максим, – Что ты о ней знаешь? Кто она? Где живет? Кто ее родители? Сколько ты уже с ней? Два месяца? – задал он риторический вопрос, – А даже фамилии ее не знаешь...

– А мне это надо? – Руслан – было видно – начинал злиться, – Мне с ней что – детей крестить? Мне с ней хорошо. Захочет – сама расскажет о себе. И вообще – зачем мне это? – повторился он, – Я ведь жениться не собираюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.